

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

УБИЙСТВО
В ПРИЛИЧНОМ
ОБЩЕСТВЕ

Лиззи Мартин и Бен Росс

Энн Грэнджер

Убийство в приличном обществе

«Центрполиграф»

2010

Грэнджер Э.

Убийство в приличном обществе / Э. Грэнджер —
«Центрполиграф», 2010 — (Лиззи Мартин и Бен Росс)

Лондонские проститутки смертельно напуганы: в густом тумане, окутывающем город, на них нападает маньяк. В окровавленном саване он охотится за несчастными девушками неподалеку от Темзы, поэтому его прозвали Речным Духом. После одного из таких туманных вечеров в Грин-парке обнаруживают труп женщины, но она оказывается пропавшей женой состоятельного торговца антиквариатом. Подозрение падает на нескольких человек, в том числе и на Речного Духа. Инспектор Росс и его на редкость смышленная жена Лиззи начинают расследование...

© Грэнджер Э., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1. Инспектор Бенджамин Росс	6
Глава 2. Элизабет Мартин Росс	12
Глава 3. Инспектор Бенджамин Росс	22
Глава 4. Инспектор Бенджамин Росс	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Энн Грэнджер

Убийство в приличном обществе

A BETTER QUALITY OF MURDER

Copyright © 2010 Ann Granger

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Инспектор Бенджамин Росс

Однажды я встретил человека, который собирался совершить убийство. Конечно, заранее я ничего не мог предугадать, как, наверное, и сам будущий убийца. Преступление вполне могло остаться всего лишь смутной мыслью, дурным сном, игрой воображения. И даже задумай он черное дело, он вполне мог испугаться, прийти в ужас. А может, его оттолкнуло бы от края пропасти вполне естественное отвращение. Достаточно было одного слова. Я мог бы удержать его, если бы, например, спросил, куда он направляется, или посоветовал не забывать об осторожности, то есть поступил так, как положено поступать стражам порядка. У него оставалось достаточно времени, чтобы все обдумать. Заговори я с ним, и он, возможно, отказался бы от своего ужасного замысла. Но мы с ним разминулись, и в результате погибла женщина.

Я перешел в уголовный розыск, прослужив в полиции совсем недолго, всего пару лет. Поводом стала Всемирная выставка 1851 года. Мне полагалось смешаться с толпой и ловить карманных воров и фальшивомонетчиков среди посетителей огромного Хрустального дворца в Гайд-парке. Вначале я добился кое-каких скромных успехов, но вскоре понял, что представители так называемого криминального мира способны вычислить стража порядка практически мгновенно, стоит ему появиться, независимо от того, в форме он или в штатском.

Как бы там ни было, с тех пор я служу в уголовном розыске, штаб-квартира которого располагается в Скотленд-Ярде; со временем меня повысили, и я стал инспектором. Не хочу хвастаться, но, по-моему, это совсем неплохо для парня, начавшего трудовую жизнь дверовым¹ на шахте в родном Дербишире. Именно оттуда я приехал в Лондон искать счастья.

Всемирная выставка произвела на меня сильное впечатление. Мне и раньше доводилось видеть всякие машины и механизмы, но я и представить себе не мог те чудеса, которые показывали в Хрустальном дворце. Вниманию публики предлагались всевозможные замечательные изобретения. Посетители любовались роскошной мебелью и домашней утварью, достойной самой королевы. Там было все, о чем можно только мечтать; по обширной территории гостей возил настоящий паровоз.

Однако на выставке не хватало одного экспоната или, точнее, явления, которое играет в жизни Лондона большую роль. Оно напомнило о себе в тот вечер, когда я шестнадцать лет спустя возвращался домой с работы. Дело было в начале ноября 1867 года. Ничего подобного нельзя найти ни в одном другом городе мира. То, о чем я говорю, сделано не из металла, дерева, фарфора, глины или материи; оно не зародилось в головах ученых или ремесленников. Явление, о котором идет речь, не обгоняет вас, грохоча, изрыгая клубы дыма и плюясь маслом. Оно не отличается красивой окраской, так как бывает либо грязно-желтым, либо тускло-серым. Оно молчаливо и образуется от испарений большого города. Я имею в виду лондонский туман.

Лондонский туман похож на живого зверя. Он неожиданно подкрадывается к вам и вдруг окутывает со всех сторон. Забивает рот и нос, вползает в горло. В тумане ничего не видно. Иногда он такой густой, что играет с прохожими шутки. Кажется, что его можно ухватить, как вату. Но поймать его, конечно, невозможно. Он просачивается между пальцами, и только отвратительный запах липнет к одежде, волосам и коже. От него бесполезно прятаться. Даже если бежать в дом и захлопнуть за собой дверь, туман проникнет за вами в гостиную.

В тот день туман сгустился ближе к вечеру; к четырем часам его липкие щупальца протянулись из центра Лондона до самых городских окраин. Работы у нас было мало, что, наверное, объяснялось плохой погодой. Даже воры и бандиты в туман предпочитают отсиживаться дома. Сидя в своем крошечном кабинете, я наблюдал в окно за тем, как город накрывает густая

¹ Дверовой – устаревшая шахтерская профессия, рабочий, открывающий и закрывающий двери в горные выработки. (Здесь и далее примеч. ред.)

пелена. Солнце изредка показывалось из-за толстой серой завесы, постепенно клонясь к закату. Наступили сумерки. В здании благодаря газовому освещению было вполне светло, но за окнами хозяйничал туман. Он словно смеялся над нашими попытками отгородиться от него. Приходившие с дежурства констебли кашляли и уверяли, что невозможно разглядеть собственную вытянутую руку. Когда я вышел на улицу, в тумане действительно ничего не было видно.

Суперинтендент Данн ушел с работы в четыре, невнятно пробурчав что-то о званом ужине, на который им с супругой никак нельзя опоздать. Я сомневался в том, что они успеют вовремя – в такую-то погоду... Даже если суперинтендент быстро доберется до дому, как они с миссис Данн попадут в Кемден, куда их пригласили?

– Вы, Росс, тоже ступайте домой, – распорядился в заключение мой начальник.

Поймав Данна на слове, я вышел с работы вскоре после него. На другой берег я собирался перейти не по Вестминстерскому мосту, как обычно, а по мосту Ватерлоо. В ясную погоду добраться до моста ничего не стоит. Но в тумане я брел три четверти часа, а по пути натолкнулся на дюжину препятствий, прежде чем по усилившейся вони догадался, что дошел до набережной Темзы, которую тогда строили. Из-за тумана работы пришлось приостановить.

Отвратительный запах шел от самой реки. Над поверхностью воды расплзались испарения, которые не могли подняться выше. Они смешивались с вонью иного происхождения. Что только не сбрасывают в Темзу! Спасибо мистеру Базалгетту, создавшему замечательную систему канализации. Его изобретение призвано избавить нас хотя бы от одного источника грязи. Но в реку попадает мусор с кораблей и лодок. Живущие на берегу тоже выбрасывают в Темзу всякие отходы – им так проще.

В воду попадают и останки. Чаще всего в реке плавают трупы животных, но попадаются и человеческие. Убийцы сталкивают в воду тела своих жертв. Самоубийцы бросаются с мостов. Я рад, что служу не в речной полиции. Свою лепту в общую вонь вносит и паровозная копоть – как известно, на южном берегу находится вокзал Ватерлоо. Но к запахам вокзала я привык, потому что живу недалеко и каждый вечер мимо него возвращаюсь домой.

Наконец, я добрался до огромного девятиарочного гранитного моста. В будке, где взимали плату за проход, никого не было. Наверное, служитель решил, что в такую погоду никто не решится перейти на тот берег. Не видно было и экипажей. Даже в хорошую погоду по мосту Ватерлоо движется мало повозок и карет: лондонцы по натуре своей люди экономные, деньгами не сорят и, если есть возможность, переправляются через реку в других местах. Насколько я понимаю, расходы тех, кто вложили средства в строительство моста, так и не окупились. Ходят даже слухи, что правительство со временем примет мост на свое содержание. Тогда плату за проход отменят, зато увеличат налоги.

Я благоразумно шагал вдоль каменного парапета с левой стороны, каждые несколько минут ощупывая его рукой. Спустя какое-то время мне стало очень одиноко в мире безмолвия. До меня доносился лишь приглушенный рев сирены, подающей сигналы судам во время тумана. Речные суда в основном пережидали туман на якоре. От предупредительных огней сейчас не было никакого толку. Через равные промежутки на мосту стояли фонари, также бесполезные в такую погоду; их тусклый свет разливался лишь на несколько дюймов. Мои шаги по каменной мостовой отдавались гулким эхом. Я плотно замотал шарфом нижнюю часть лица и прикрывал нос, но проклятый туман все же заползал в горло, вынуждая меня то и дело откашливаться.

Дойдя примерно до середины моста, я понял, что уже не один, услышав чьи-то шаги. Туман иногда играет странные шутки; я остановился и прислушался. Возможно, я слышу лишь эхо. Но сейчас у меня не осталось сомнений: кто-то шел мне навстречу, нет, не шел, а бежал, не думая о плохой видимости и не боясь упасть и больно удариться.

Во мне тут же проснулся полицейский. Иногда жизнью и здоровьем рискуют не от бестрашия, многие забывают об опасности от страха. Те, кто спасаются от чего-то или кого-то, несутся вперед сломя голову, не думая о том, какие препятствия ждут их на пути.

Я остановился и стал ждать. Судя по стуку каблуков и легкой поступи, по мосту бежала женщина. Она приближалась. Что кроме сильного страха вынудило несчастную в одиночку бежать по мосту в густом, мутно-желтом тумане?

– Черт бы побрал этот туман! – буркнул я себе под нос.

Я не знал, куда идти. Мне казалось, что беглянка передвигается по той же стороне моста, где стоял я. Но возможно, она была далеко и бежала не навстречу мне, а с той же стороны, что и я. Я решил выйти на середину. Если, что маловероятно, я услышу позади грохот колес экипажа, всегда успею отскочить. Зато на середине мне легче будет перехватить беглянку. В конце концов, мост не очень широкий. Может быть, окликнуть ее, дать понять, что я здесь? Я покачал головой. Она и без того чего-то боится и еще больше испугается, неожиданно услышав незнакомый мужской голос.

Бум!

Прежде чем я успел что-либо предпринять, на расстоянии вытянутой руки от меня материализовалась темная фигура. Я успел заметить платье, а на голове что-то вроде петушиного гребешка, прежде чем фигура на полной скорости врезалась в меня. У меня перехватило дыхание. Мир перевернулся. Шатаясь, я попятился назад и не упал лишь с большим трудом. Отступая, я схватился за что-то легкое, воздушное – как я догадался, ее платье. Беглянка громко завизжала, и я едва не выпустил ее.

– Мадам! – обратился я к незнакомке, которая по-прежнему была для меня лишь неясным силуэтом. – Я полицейский! Не бойтесь!

Она издала еще один пронзительный вопль и принялась молотить меня кулаками по голове и груди. Вместе с туманной сыростью на меня повеяло дешевыми духами.

– Пустите! – завопила незнакомка. – Я вам ничего не сделала!

– А я ничего плохого не сделаю *вам*! – крикнул я, продолжая удерживать ее за платье.

Она поняла, что я ее не отпущу. Мне даже удалось схватить ее за руку. Неожиданно незнакомка обмякла и слабым, жалким голосом взмолилась:

– Не бейте меня!

– Да не собираюсь я вас бить! – едва не завопил я, но вовремя сообразил, что криком еще больше напугаю незнакомку. – Повторяю, я полицейский! – как можно увереннее и спокойнее продолжал я.

Неожиданно из тумана показалась рука; она похлопала меня по груди. В ее деловитых жестах было что-то знакомое.

– Никакой вы не полицейский, – сурово заявила она. – Вы не в форме! Где ваши медные пуговицы?

Я понял, что странный гребень у нее на голове – не что иное, как шляпка, украшенная искусственными цветами или перьями. Не оставалось никаких сомнений в том, что мне в руки попала одна из тех несчастных, которые занимаются своим ремеслом на улицах. Я, конечно, мог и ошибаться, и она на самом деле порядочная девушка. Но запах дешевых духов, не по сезону легкое платье, вычурная шляпка и то, как она ловко проверила сказанные мной слова, ощупав мою одежду, говорили о том, что я прав.

– Я из уголовного розыска и хожу в штатском.

– Да неужели? – язвительно произнесла незнакомка. – Что-то новенькое! Мне врут всякое, но в первый раз мужчина сознается, что он сыщик в штатском!

– Я инспектор, меня зовут Бенджамин Росс, – решительно продолжал я. – А вы от кого-то убегаете.

– А вот и нет! – тут же парировала она. – Пустите руку!

– Ни за что! – ответил я. – А может, ты стянула у кого-то кошелек или цепочку и убегаешь от правосудия.

На сей раз она замахнулась свободной рукой и ударила меня кулаком в грудь.

– Я не воровка! Я девушка честная!

– Ты ночная бабочка. – Я мог бы назвать ее проституткой, но подозревал, что в ответ она снова примется осыпать меня ударами. – И только что ударила стража порядка. Только за одно это я могу тебя арестовать!

Сначала она вырывалась, но потом вдруг затихла. Может быть, просто задумалась? Мне показалось, что она к чему-то прислушивается. Боится погони?

– Ладно, – сказала она вдруг. – Арестуйте меня.

– Ты хочешь, чтобы я тебя арестовал? – Я старался скрыть удивление.

– Да! Давайте арестуйте меня! – Она наклонилась ко мне, и на меня пахло не только дешевыми духами, но и пивным перегаром.

– Ага, – сказал я. – Похоже, под моей защитой тебе спокойнее, чем на воле... Ты боишься опять встретиться с ним.

– С кем это – «с ним»? – тут же осведомилась девица, но в ее голосе я снова расслышал страх.

– С тем, от кого ты убегаешь. Кто он?

Мне не хотелось арестовывать ее. Судя по голосу, она была очень молода. Так оно всегда и бывает. Девицы, которые охотятся за клиентами на улицах, обычно молоды, некоторые из них совсем еще дети. Но я не поймал ее на приставании к мужчинам, а всего лишь остановил сильно испуганную беглянку. По-моему, вовсе не требовалось тащить ее в полицейский участок и предъявлять обвинения.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Интересуетесь, да? – угрюмо буркнула она.

– Да, интересуюсь. Я тебе представился, правила приличий требуют, чтобы ты тоже назвала свое имя.

– Дейзи, – ответила она после паузы.

– Фамилия?

Еще одна пауза.

– Смит.

– Я так не думаю, – возразил я.

– Думайте что хотите. Говорю вам, я – Дейзи Смит. Попробуйте докажите, что это не так.

– Что ж, Дейзи Смит, – продолжал я, – расскажи, что тебя так напугало.

– Вы! – тут же воскликнула она. – Хватаете девушку за руку... Я чуть не померла со страху!

– Может быть, я тебя и напугал, но кое-кто напугал тебя еще сильнее.

Последовала еще одна пауза. С того берега снова послышался протяжный звук горна. Снизу закрипело дерево, и мужской голос крикнул: «Берегись!» Кому-то хватило глупости попробовать в таких условиях пройти по реке!

– Он, – вдруг сказала Дейзи Смит так тихо, что я с трудом ее расслышал.

Не повышая голоса, я предложил:

– Дейзи, скажи, кто он. Я спасу тебя от него.

Она сдавленно усмехнулась:

– Никто меня от него не спасет. Он не подчиняется вашей власти, инспектор Бенджамин Росс! Он никому не подчиняется – ни вам, ни мне.

– Почему? – спросил я.

Дейзи снова дохнула на меня пивом, смешанным с запахом духов; от едкого запаха у меня зачесался нос.

– Потому что он уже умер, понимаете? – зашептала она, прижавшись губами к самому моему уху. – Это был Речной Дух. Он выползает из Темзы в туманные ночи и рыщет по улицам. Закутанный в саван, он прячется в темных переулках и под арками. Его не видно и не слышно, пока он тебя не схватит! И запах у него... От него пахнет могилой, мертвечиной и кровью. Он схватил меня сейчас! Его холодные руки выскочили из тумана и схватили меня за горло. Но я вырвалась и убежала от него.

– Как? – недоверчиво спросил я. Хотя такие девицы при аресте рассказывают всякие небылицы, такой сказки я еще не слышал.

– Я ткнула ему пальцами в ноздри! – неожиданно сухо и деловито ответила Дейзи.

Конечно, девушка, которая занимается своим ремеслом на улице, должна владеть некоторыми приемами самообороны. Но ее слова навели меня на здравую мысль.

– Дейзи, тебя схватил вовсе не призрак, не Речной Дух или как ты там его называешь. Раз он чувствует боль, значит, он – существо из плоти и крови.

– А почему он тогда выходит только в туман? – спросила она.

– В тумане легче прятаться, – просто ответил я. – А он не хочет, чтобы его увидели. Так поступают почти все преступники или люди с дурными намерениями.

– Не все они расхаживают по улицам в саванах, – возразила Дейзи.

Мне хотелось разубедить ее, и я спросил:

– Ты видела его саван?

Она замялась, но затем ответила с прежней уверенностью:

– Не видела, зато другие видели. Одна моя подруга видела его ясно. Она ловила клиентов, но ночь выдалась плохая, а возвращаться домой без денег она боялась...

Тут я ей поверил. У таких девиц обычно имеются так называемые «покровители», которые отбирают их деньги. «Покровитель» скор на расправу, если девушка возвращается с пустыми руками. Интересно, есть ли такой же «покровитель» у Дейзи или пока она не попала ни в чьи грязные лапы и существует самостоятельно.

– Продолжай, – велел я.

– Так вот, она услышала шаги, решила, что это клиент, и вышла ему навстречу. Вдруг туман расступился, так иногда бывает, и она увидела его очень ясно. Она подробно его описала. Он весь в белом, закутан в саван с ног до головы, кроме глаз. Только никаких глаз у него нет, а на том месте, где им положено быть, пустые черные дыры. Вот так! – торжествуя закончила моя новая знакомая.

Я не верю в призраков в саванах в любую погоду. Но за ее рассказом крылась какая-то тайна, и мне захотелось докопаться до сути, предпочтительно в более уютной обстановке. Даже мне на мосту было зябко; должно быть, Дейзи в своем легком платье совсем продрогла.

– Давай вернемся по мосту на Стрэнд, – предложил я. – Найдем там какую-нибудь кофейню. Ты выпьешь чего-нибудь горячего и расскажешь мне все подробно.

Дейзи снова стала извиваться и вырываться. Идти со мной она явно не хотела. Может быть, решила, что избавилась от своего преследователя или я его спугнул.

– Никуда я не пойду с полицейским, пусть даже и с инспектором! Я ведь знаю, куда вы меня потащите! Ни в какую не в кофейню, а в полицейский участок, а утром меня доставят в суд магистратов!

– Дейзи, я тебя не арестовываю. Я хочу тебе помочь! Послушай... Твой так называемый Дух набросился на тебя в первый раз? Когда ты про него узнала?

– С полгода назад, – нехотя ответила она, но потом оживилась: – Спросите других девушек. Кое-кому повезло, они вырвались и сбежали. Я не выдумываю. Можете спросить всех, кто работает у реки, хоть со стороны Ватерлоо, хоть со стороны Стрэнда.

– Значит, это существо нападает на девушек, и все началось примерно с полгода назад?

– Да! Но только в такие ночи, когда стоит густой туман и его не видно. Зато он видит все, как в ясный солнечный день! Вот почему он не такой же человек, как мы. Вот я сейчас стою рядом с вами, а вы меня не видите. И я не знаю, какое у вас лицо. В тумане ничего невозможно разобрать. Зато Речной Дух видит все!

С этими словами она вдруг стала извиваться, как угорь. Я невольно выпустил ее руку, и моя новая знакомая во всю прыть понеслась в сторону Стрэнда.

– Речной Дух! – буркнул я себе под нос. – У нее не все в порядке с головой.

Но кто-то все же напал на нее. Кто-то или что-то заставили ее слепо нестись во весь дух.

Я снова зашагал по мосту. Теперь до меня отчетливо доносился запах паровозов; я слышал, как они с ворчаньем и грохотом маневрируют по путям у вокзала. Машинисты вели составы осторожно и прибавляли скорость, лишь выбравшись из центра Лондона, где видимость была лучше. Я понял, что почти дома. Не успел я дойти до конца моста, когда снова услышал шаги, на сей раз размеренные. Мне навстречу осторожно двигался какой-то мужчина. Трости у него не было. Я бы услышал, как трость постукивает по земле или по перилам. Может быть, он, как и я, помогал себе, ощупывая перила рукой.

Впереди снова замаячил силуэт, теперь уже мужской, невысокий, в длинном темном пальто и с какой-то сумкой. Я решил, что передо мной пассажир, который только что приехал и идет с вокзала.

– Ужасная погода, сэр! – дружелюбно обратился к нему я.

В ответ он что-то буркнул, ускорил шаг и прошел мимо. Я сумел разглядеть, что он закрывал лицо платком и, очевидно, не собирался убирать его, чтобы ответить на мое приветствие.

А может быть, как я ни старался, все сразу по голосу догадывались, что встретили полицейского.

Но, если незнакомец даже в туман угадал во мне полицейского, он должен был понимать, что я не гонюсь за ним, а, наоборот, иду в другую сторону. С каждым шагом расстояние между нами увеличивалось, и тот человек, наверное, скоро успокоился.

Приближаясь к дому, я невольно ускорил шаг и почти забыл о своих встречах на мосту до тех пор, пока... хотите верьте, хотите нет... все не повторилось!

В меня снова врезалась какая-то фигура, и снова женский голос удивленно вскрикнул, а потом из тумана послышался знакомый голос:

– Ах, извините, я вас не заметила!

Говорящая метнулась в сторону, чтобы пропустить меня, но я схватил ее за руку:

– Лиззи, это ты?

– Бен! – воскликнула моя жена. – Это ты! Какой ужасный вечер!

Глава 2. Элизабет Мартин Росс

Как только Бен понял, кого поймал в тумане, он сразу осведомился, чего ради я вышла на улицу.

Я объяснила, что ищу Бесси.

– А Бесси что забыла в таком мраке? – спросил он.

– Потом объясню, – ответила я. – Это связано с яблоками.

Я услышала, как Бен шумно вздохнул, но тут же закашлялся – в горле запершило от тумана.

– Пошли домой, – сказал он. – Сейчас ты ее все равно не найдешь; может быть, она уже сама добралась до дому.

Я согласилась, и мы отправились домой, спотыкаясь и держась друг за друга, как два слепца.

Когда мы поженились, то вложили все наши деньги в маленький домик из красного кирпича недалеко от вокзала Ватерлоо. На нашей улице был построен целый ряд таких домов с общей стеной. Предыдущей владелицей дома оказалась моя бывшая хозяйка, вдова моего крестного, мистера Парри, которая просила меня называть ее тетей. Она владела многими домами в Лондоне, и наш мог считаться одним из лучших. Его построили всего двадцать лет назад. Другие здания, принадлежавшие тете, были самыми настоящими трущобами; в таких никто не стал бы жить по доброй воле. И все же плата за аренду позволяла тете Парри жить на широкую ногу. Впрочем, нам она великодушно предложила купить дом по очень выгодной цене.

Однако, после того, как мы истратили весь капитал на дом, у нас почти не осталось денег на обзаведение. У меня не было ни одной лишней кастрюли. Не могла я и нанять штат прислуги, хотя Бен получает весьма приличное жалованье и надеется, что со временем его повысят. Кроме того, наш дом не так велик, чтобы держать прислугу в большом количестве. И все же мне требовалась помощница по хозяйству. С Бесси я познакомилась на Дорсет-сквер, в доме тети Парри. Девочка находилась на самой низшей ступени общественной лестницы; она служила судомойкой. Бесси очень обрадовалась возможности уехать подальше от зоркого взгляда кухарки, миссис Симмс. Она стала у нас «прислужгой за все». Итак, в доме мы поселились втроем.

Живя на Дорсет-сквер, я думала, что миссис Симмс слишком строга к Бесси. Правда, тогда мне еще не приходилось командовать пятнадцатилетней девчонкой, и очень скоро я прониклась сочувствием к миссис Симмс.

Я ценила Бесси за трудолюбие и преданность; кроме того, она была умна и сообразительна. Однако нрав ее отличался независимостью. Она не стеснялась высказывать свое мнение. Вдобавок девочка оказалась неожиданно ловкой и изобретательной. Трудности начались вскоре после нашего переезда, когда выяснилось, что Бесси – убежденная трезвенница.

Через месяц после того, как мы переселились в свой дом, Бесси кротко спросила, может ли она регулярно посещать молитвенные собрания, которые проходят в пять вечера по воскресеньям.

Я не ожидала от Бесси такого религиозного рвения, но ее просьба показалась мне вполне обоснованной, даже похвальной. Тем не менее я задала ей пару вопросов. Когда миссис Симмс передавала мне Бесси, она, среди прочих рекомендаций, прошептала нечто непонятное: «Миссис Росс, берегитесь последователей!»

Я решила, что речь идет о поклонниках, и удивилась. Откровенно говоря, Бесси трудно назвать красавицей. Она худенькая, но жилистая, поскольку с двенадцати лет ей приходилось

чистить кастрюли и натирать полы, руки у нее загрубелые и красные, как у сорокалетней женщины. Добавьте кудельки мышинного цвета и кривые зубы, и вы поймете, что, когда она отпрашивалась на молитвенное собрание, я и не думала ни о каких «последователях». И все же мне пришлось в голову уточнить, что это за молитвенные собрания, где они проходят и кто их ведет.

Бесси сообщила, что посещает молитвенные собрания при местном отделении общества трезвости, а проповеди там читает преподобный мистер Фосетт. Я решила посоветоваться с Беном.

– Я видел немало случаев, когда пьянство доводит людей до преступлений, – сказал Бен. – Если Бесси хочет «покончить со спиртным», я не против.

Я бы тоже не была против, если бы новообращенная Бесси не пожелала проповедовать и среди нас. По ее мнению, нам с Беном тоже следовало изгнать «зеленого змия». Не могу сказать, что мы с Беном – горькие пьяницы. Иногда Бен выпивает за ужином бутылку портера. Поселившись в Лондоне, он пристрастился к этому крепкому темному пиву, очень популярному среди носильщиков на лондонских мясных и рыбных рынках. Портер на столе выглядит не слишком возвышенно, поэтому в тех редких случаях, когда у нас бывали гости, я заменяла портер бутылкой недорогого рейнвейна. Как вы дите, мы не держим дома больших запасов спиртного. Но пить пиво или рейнвейн нам всякий раз приходилось под мрачным взглядом Бесси, которая взидала на нас скорбно, как греческий хор. Рук она, правда, не заламывала, зато многозначительно качала головой и бросала на нас укоризненные взгляды.

– Не обращай внимания, – советовал Бен, которого ужимки Бесси даже забавляли. – Скоро ей надоест.

Поняв, что ее не ругают, и успокоившись, Бесси перешла к открытой критике.

Как-то, выйдя на кухню, я увидела, что она смотрит на стоящие в раковине винные бокалы и скорбно качает головой.

– Не могу, миссис, – сказала она, увидев меня.

Я запрещала ей звать себя миссис и предлагала другие варианты, но Бесси сама решила, как ко мне обращаться. Бена она всегда именovala инспектором и обращалась к нему соответственно.

– Почему, Бесси, ты не можешь вымыть эти бокалы? – спросила я.

– Я могу мыть кастрюли и блюда, – ответила Бесси, – но не сосуды, в которых были спиртные напитки. Если я их вымою, я тем самым буду поощрять вас и инспектора Росса к плохому делу.

Мне хотелось закричать: «Ерунда! Ну-ка, сейчас же вымой посуду!» Но мне – редкий случай! – удалось не брякнуть первое, что пришло в голову. У меня возник план получше.

– Все понятно, Бесси. Что ж, наверное, в самом деле будет лучше, если бокалы ты аккуратно убережешь. Я сама их помою. Их подарила нам на свадьбу тетя Парри; мне бы не хотелось, чтобы они разбились.

Бесси смотрела на меня разинув рот. В кои-то веки она не нашла что ответить. Я убрала бокалы, оскорбляющие ее нравственность. Бесси стала со звоном и грохотом мыть посуду, но не произносила ни слова. Правда, потом она какое-то время спрашивала:

– Миссис, вы уверены, что я могу вымыть эту тарелку? Я ведь могу ее разбить!

Спрашивая, она смотрела на меня с невинным видом, но тот раунд я выиграла, и она это понимала.

В тот день, когда сгустился туман, к ужину у нас были свиные отбивные, и я, спустившись в кухню, вдруг обнаружила, что у нас нет яблок для соуса, который я собиралась приготовить к отбивным.

– Бесси, в вазе было два яблока. Куда они подевались?

– Утром инспектор, уходя на работу, положил их в карман.

– Но ведь это были кислые яблоки, для запекания!

– Я ему говорила, – безмятежно ответила Бесси. – А он все равно взял. Представляю, как у него от них разболится брюхо. Если хотите, я сбегаю к зеленщику и куплю еще яблок.

– Бесси, надо говорить «живот», а не «брюхо», – машинально поправила я и задумалась. Туман, который начал подниматься еще днем, стал по-настоящему густым, как гороховый суп.

– Это недалеко, – уговаривала Бесси. – Дорогу я знаю. И все время буду идти, держась за стену.

Вопреки здравому смыслу я согласилась. В обычную погоду дорога к зеленщику и обратно занимает пятнадцать минут, не больше. Лавка за углом. Даже если добавить время на туман, Бесси должна была вернуться через полчаса. Через три четверти часа, поняв, что Бесси еще не вернулась, я набросила на плечи шаль и вышла ее искать. Вместо Бесси я нашла Бена.

Мы поспешили домой. Открыв дверь, я прислушалась, думая, что Бесси внизу, в кухне, но оттуда не доносилось ни звука. Спустившись вниз и убедившись, что там никого нет, я вернулась к Бену.

– Нет? – спросил он. – Я выйду и поищу ее.

Он направился было к двери, но я его остановила:

– Бен, нечего и надеяться найти ее в такую погоду. Ты только что пришел. Посиди и погрейся у камина; если она не вернется еще через двадцать минут... ну, тогда не знаю, что и делать.

– И надо же ей было выйти именно сегодня! – уныло заметил Бен.

– А что? Что сегодня такого особенного?

Бен не сразу, но все же рассказал о встрече с девушкой на мосту.

– Это вовсе не значит, что с Бесси непременно случилось что-то плохое, просто мне не нравится, что ее так долго нет.

– Какой ужас! – встревожилась я. – Но правда ли это? Ты поверил той девушке? Я имею в виду – насчет призрака в саване.

– Понимаю, это звучит странно, – ответил Бен, помолчав, – но она клянется, что его видели многие ее товарки, которые занимаются своим ремеслом у реки. По ее словам, одна девушка видела его лицо. – Он досадливо покачал головой. – Хотелось бы мне найти ту девушку и выяснить приметы «призрака»! Здесь важна любая мелочь! Но вначале мне нужно разыскать Дейзи Смит, если, конечно, это ее настоящее имя, и выяснить, как зовут девушку, которая мельком видела Речного Духа. Правда, я и о самой Дейзи почти ничего не знаю... кроме того, что она носит шляпку с перьями.

Я заметила, как при свете лампы на лацкане пальто Бена что-то блеснуло. Я осторожно сняла с его пальто ярко-рыжий, почти красный волосок.

– Одно нам известно, – сказала я. – Она рыжая!

Бен пробурчал что-то неразборчивое, забрал у меня волосок, подошел к бюро в гостиной, где мы держим принадлежности для письма, и, достав чистый лист бумаги, свернул его в подобие пакетика. Затем он положил туда волосок, подписал пакетик: «Дейзи Смит» – и поставил дату.

– Сохраняете вещественное доказательство, инспектор Росс? – с улыбкой спросила я.

– Пока у нас нет преступления, – ответил он. – Но вполне может быть, что оно совершится.

Мягко щелкнул замок на двери черного хода.

Мы оба бросились в кухню и увидели Бесси, еще в шляпке и шали, которая крепко держала в руке корзинку с яблоками.

Мы хором спросили, где она пропадала.

– Заблудилась в тумане, миссис! – вскинулась Бесси. – Идти пришлось дольше, чем я думала.

– Но тебя не было целый час! – Я хотела взять у нее корзинку, но ей не хотелось выпускать ее из рук, и вскоре я увидела, в чем дело. – Это еще что такое? – Из-под яблок я достала пачку листовок. – «Берегись крепких напитков!» – прочитала я вслух. – Бесси, ну-ка, признавайся, что это такое? Откуда они у тебя?

Бесси вздохнула с самым несчастным видом. Но врать она не умела.

– До зеленщика я добежала очень быстро и подумала, что у меня хватит времени пройти еще немножко и взять эти листовки из молитвенного дома. На прошлой неделе мистер Фосетт говорил, что в субботу листовки принесут от печатника. Он просил нас после завтрашнего собрания распространить листовки на улице. Вот я и решила не ждать до завтра, а зайти за листовками заранее, чтобы распространить их пораньше.

– Распространить?! – вскричала я. – Неужели мистер Фосетт хочет, чтобы ты стояла на улице и раздавала листовки прохожим?

– Нет-нет, – серьезно ответила Бесси. – Мне нужно раздавать их только знакомым и всем рассказывать о воздержании.

– Не знаю, как там насчет воздержания, – вмешался Бен, – но, если в кладовке найдется бутылка портера, я выпью ее на ужин.

– Ах ты господи, Бесси! Ужин! – всполошилась я. – Пора готовить еду! Бесси, сейчас у меня нет времени обсуждать твои дела, но потом мы поговорим.

– Да, миссис, – с несчастным видом ответила Бесси.

* * *

– Что ты намерена делать? – спросил Бен позже, наслаждаясь свиными отбивными.

В камине весело горел огонь; пламя отражалось от медных каминных приборов и решетки. Зрелище успокаивало душу.

– В чем-то и я сама виновата, – сказала я. – Надо было сразу выяснить, что за собрания она посещает. Мне казалось, они только распевают гимны и слушают проповеди преподобного Фосетта о воздержании. Знаешь что? Пожалуй, схожу-ка я завтра туда вместе с Бесси, познакомлюсь с проповедником и запрещу ему привлекать Бесси к распространению листовок!

– Что ж, верно, – заметил Бен, выливая в стакан остатки портера.

– Бен, – спросила я, – ты в самом деле любишь кислые яблоки для запекания?

– Конечно, – ответил мой муж, – с самого детства.

Когда на следующее утро мы с Бесси вышли из дому, Бен дремал у камина. Вчерашний туман рассеялся бесследно, хотя каминные трубы изрыгали серые клубы дыма, который нависал над улицами. Народу на улицах было меньше, чем в будние дни. Немногие прохожие были одеты в лучшую одежду. Правда, по мостовой носились и стайки уличных детей в лохмотьях. Они окружали идущих в церковь и кланчили милостыню, полагая, что в такой день христианское милосердие велит добропорядочным гражданам расставаться с мелкими монетами.

Молитвенный дом, где проходили собрания общества трезвости, помещался между двумя более высокими зданиями и, судя по всему, в начале своего существования был складом. Кирпичную кладку покрывал толстый слой саж, но высокие узкие окна сияли чистотой, а на доске у входа красовалось объявление, в котором я прочла, что сегодняшнее собрание проводит «преподобный Джошуа Фосетт. После собрания чай с печеньем».

– Иногда я помогаю разливать чай, – с гордостью сообщила Бесси, заводя меня внутрь, – а иногда присматриваю за малышами.

Внутри было жарко натоплено; печь дымила. В просторном помещении рядами стояли простые деревянные стулья. Мы шли по голым половицам, и наши шаги отдавались гулким эхом. В дальнем конце зала соорудили помост, посередине которого стояла кафедра. Справа, у

потертой занавески, притаилось поцарапанное пианино, которое не мешало бы отполировать. Слева, у помоста, стоял стол, на котором тихо шипел большой чайник. За столом распоряжались две дамы: одна низенькая и пухлая, вторая повыше и постройнее.

– Маленькая толстушка – это миссис Гриббл, а высокая – миссис Скотт, – шепотом пояснила Бесси. – Миссис Скотт вдова. Ее муж был военным, но его не убили в сражении. Он служил в Индии и там заболел лихорадкой. – Она нахмурилась. – Похоже, мисс Марчвуд сегодня нет. Интересно, почему? Она всегда заваривает чай. Я хотела познакомить вас с мисс Марчвуд. Она немножко похожа на вас, миссис, какая вы были раньше.

– На меня, какая я была раньше? – ошеломленно переспросила я.

– До того, как вы вышли за инспектора. Она – компаньонка у какой-то леди, – объяснила Бесси.

– В самом деле? – рассеянно спросила я, разглядывая миссис Скотт. Ее зеленый плащ строгого покроя был отделан мехом. Под плащом я разглядела юбку из шотландки, ткани, которую ввела в моду ее величество. Я заметила, что кринолин у миссис Скотт нового покроя, пышный сзади и плоский по бокам. Поверх темного пышного пучка она приколотла круглую каракулеву шапочку в русском стиле. Мне показалось, что шиньон у нее накладной. На вид ей можно было дать около сорока лет. Интересно, что делает в таком месте явно состоятельная и модная дама? Неужели ей так уж нравится разливать чай на собраниях общества трезвости?

Миссис Гриббл была, наоборот, одета довольно пестро: темно-коричневая юбка с оборками, натянутая на идеально круглый кринолин, зеленый корсаж, на плечах шаль с узором «турецкие огурцы», шляпка, украшенная искусственными цветами. Я увидела, как миссис Скотт указала миссис Гриббл на упущение: фаянсовые чашки, приготовленные для собравшихся, стояли не слишком ровно. Смущенная и раскрасневшаяся миссис Гриббл поспешила выровнять строй. Теперь чашки стояли, как гвардейцы на параде.

Я села в заднем ряду, решив понаблюдать за происходящим.

– Миссис, вам лучше сесть поближе! – настаивала Бесси.

Я поблагодарила ее, но сказала, что мне и здесь хорошо. Бесси приуныла. По-моему, она хотела мной похвастаться.

Постепенно зал наполнялся народом. В первый ряд посадили группу малолетних абстинентов; ими командовал коренастый мужчина среднего возраста с одутловатым лицом. Твидовый костюм в мелкую ломаную клетку был ему маловат. Мне показалось, что он преждевременно облысел; оставшиеся пряди он зачесал с макушки на лоб и очень старательно уложил, намазав помадой.

– Это и есть мистер Фосетт? – ошеломленно спросила я у Бесси.

– Нет, что вы! – презрительно ответила Бесси. – Это всего лишь мистер Причард!

По рядам стал ходить мрачного вида субъект с бакенбардами-«котлетками». Он раздавал присутствующим сборники гимнов с закладками. Бесси представила его мне как мистера Уолтерса. Похоже, недостатка в помощниках здесь не наблюдалось.

Общее возбуждение нарастало; к негромкому гулу голосов примешивалось шипение настенных газовых светильников. На всех лицах было написано предвкушение. Очевидно, многие приходили сюда специально, чтобы послушать мистера Фосетта.

Однако он пока не показывался. На возвышение поднялся мистер Уолтерс; он попросил всех встать для исполнения первого гимна. Когда мы повиновались, он сел за пианино и взял первый аккорд. Я поняла, что пианино нужно не только отполировать, но и настроить. Однако запели все с готовностью.

Затем мы сели. Мистер Причард поднял своих малолетних воспитанников, поставил их лицом к залу, и они под его руководством проскандировали стишок о том, что они не будут пробовать «ни вина, ни пива, ни даже яблочного сидра».

Потом дети расселись по местам, а мистер Причард, раскрасневшись от волнения, вытер пот со лба и поклонился. Ему вежливо похлопали. Я присоединилась к остальным. В конце концов, дети старались, хотя стишок мне не понравился, как не понравилось и то, что детей втягивают в такую кампанию.

Кульминация вечера приближалась. На возвышение снова поднялся мистер Уолтерс и попросил собравшихся поприветствовать мистера Фосетта, который сегодня будет выступать перед нами.

Все вновь зааплодировали, Бесси с особенным рвением, и на помост вышел преподобный Джошуа.

Надо сказать, что я понятия не имела, чего ожидать. Мне не хотелось сомневаться в словах Бесси, потому что она принялась бы расхваливать преподобного Фосетта с удвоенным пылом. Должна признаться, проповедник оказался гораздо моложе, чем я ожидала. На вид ему можно было дать не больше тридцати – тридцати двух лет; мне показалось, что если он и принял духовный сан, то не в англиканской церкви. Высокий и стройный молодой человек был облачен в хорошо сшитый темно-синий сюртук и темно-серые панталоны. Рубашка на нем была белоснежной, черный шелковый галстук украшала бриллиантовая булавка. Лицо у него было выбрито, зато волосы длинные, как у поэта. Словом, выглядел он куда щеголеватее обычных священников. Я поняла, почему большую часть аудитории составляли дамы. Когда Фосетт появился на кафедре, вокруг меня послышались одобрительные вздохи.

– Дорогие друзья! – начал Фосетт, вцепляясь в кафедру руками и сияющим взором оглядывая наши ряды. – Мои дорогие, дорогие друзья... Какое огромное удовольствие видеть здесь сегодня всех вас! Сердце радуется, когда я понимаю, сколь многим не терпится поддержать наше поистине благородное дело. По вашим лицам я вижу, что вы уже подчинили ваши сердца и умы нашей великой цели!

Голос у него был сладкозвучный, но взгляд – острый и цепкий. Я не сомневалась, что он отлично разглядел в последнем ряду меня, новенькую.

Затем он произнес проповедь, резко изменив ритм и стиль изложения. Надо отдать ему должное, он оказался великолепным проповедником – именно так я потом сказала Бену. Фосетт то понижал голос до шепота, то возвышал почти до крика. Он рассказал нам притчу о Ное, который разбил виноградник, выпил вина и опьянел. Напомнил, что вино и крепкие напитки притупляют чувства, служат причиной всевозможных физических недугов (включая потерю зубов) и преждевременного старения. Спиртное толкает людей на насильственные действия и ужасные просчеты. Но, главное, пристрастие к алкоголю – первый шаг на скользкой дорожке, ведущей к всевозможным грехам: от грубых выражений и неприличного поведения на публике к запретным желаниям и тайным изменам; пьянство ведет к жадности, зависти, преступным умыслам и убийству.

Фосетт объяснил, что нет ни одной из десяти заповедей, которые не нарушают те, кто употребляют спиртные напитки. Что же касается семи смертных грехов, пьяницы с легкостью совершают их все.

– Вождение! – воскликнул Фосетт, и его голос эхом прокатился по залу.

Все дамы затрепетали и с благоговейным восторгом посмотрели на проповедника. Никто не шевелился, не скрипел ни один стул, никто даже не закашлялся. Мне казалось, что малолетние абстиненты в первом ряду начнут капризничать, но и их мистер Фосетт как будто околдовал. У сидевшей рядом со мной Бесси сияли глаза. Мне стало не по себе.

– Выйдите на улицы! – вскричал Фосетт, указывая холеной рукой на мир, окружавший молитвенный зал. Взметнулись его длинные черные волосы, и он вдруг напомнил мне архангела Михаила с церковного витража, который вот-вот пронзит копьем дракона. – Вы найдете там гнезда разврата, друзья мои, вместилища всевозможных пороков! Вы увидите мужчин, опустившихся на дно. Безработные, утратившие остатки всякого самоуважения, попрошайни-

чают на улицах! Вы увидите женщин, которые не стесняясь торгуют своим телом! Вы увидите молодых транжир из хороших семей, которые растрачивают фамильное состояние! Вы увидите голодающих матерей, которые, качая больных детей, стоят у дверей пивных и зовут своих мужей, умоляют их уйти, пока те не пропили последний пенни. И что же довело их до такого состояния? Пьянство! – прогремел он.

Его слова были встречены молчанием. Все ждали. После паузы Фосетт заговорил более сдержанно, но не менее выразительно. Он поведал нам поучительную историю о пьянице, который управлял лошадью и повозкой. Одурманенный, он не смотрел по сторонам и потому задавил добродетельную молодую особу, которая переводила через дорогу своего пожилого больного отца.

Фосетт сложил руки, как для молитвы.

– Дорогие друзья, вы только представьте себе эту сцену! «Моя милая дочь! – вскричал бедный старик, бросаясь на колени рядом с ней. – Поговори со мной!» Его дочь лежала бездыханная на мостовой и не могла вымолвить ни слова, а пьяный возчик стоял рядом, охваченный ужасом при виде того, что он совершил. Но было уже поздно!

Несколько дам зарыдали в голос, утирая слезы кружевными платками.

К сожалению, на меня проповедь не произвела сильного впечатления. Разумеется, рассказанная им история была ужасной; я знала, что подобные трагедии действительно не редкость. Мой отец был врачом; его довольно часто вызывали осматривать жертв уличных происшествий или несчастных случаев на работе. Причиной многих трагедий действительно служит пьянство. Я своими глазами видела несчастных женщин и полуголых детей, поджидавших своих мужей и отцов у дверей питейных заведений, хотя и знали: когда отец семейства, пошатываясь, выйдет к ним наконец, он, скорее всего, наградит их тумаками. Стыдно признаться, но, как только звенящий голос мистера Фосетта умолк, он приложил руку к вспотевшему лбу и отбросил назад длинные пряди волос, я едва не хихикнула. Пришлось быстро перевести взгляд вниз, на колени. Отец наверняка объяснил бы, что моя реакция вполне естественна, поскольку я поняла, что оратор, не церемонясь, играет на чувствах своих слушателей. Потом мне стало стыдно, и я велела себе успокоиться. Я подняла голову, и оказалось, что мистер Фосетт смотрит прямо на меня. Мне показалось, что он все понял. К собственному унижению, я густо покраснела.

– Тем, кто находится в лучшем положении, – вкрадчиво продолжал мистер Фосетт (клянусь, при этом он по-прежнему смотрел на меня), – не нужно думать, будто они не рискуют. Какой джентльмен не видит вреда в стаканчике-другом портвейна после хорошего ужина? Какая во всех отношениях почтенная дама откажется в гостях от рюмки хереса?

Фосетт энергично тряхнул головой, отбросив назад непокорные пряди волос.

– Не успеваем мы оглянуться, как джентльмен выпивает уже не стаканчик, а целый графин портвейна за вечер и почти всю ночь лежит бесчувственный, как бревно! Ну а его жена... добродетельная женственность скоро покидает ее. Лицо идет красными пятнами, она перестает следить за своим гардеробом и прической. Слугам недостает твердой руки; они начинают пренебрегать своими обязанностями. Проходит совсем немного времени, и весь дом разваливается.

Мне показалось или Фосетт в самом деле многозначительно смотрел на меня? Может быть, Бесси рассказала ему о том, что Бен время от времени выпивает бутылку пива за ужином, а когда к нам приходят гости, мы пьем рейнвейн? Мое замешательство постепенно сменялось гневом.

Тем временем пламенная проповедь закончилась. Фосетт перешел к практическим вопросам. Он деловито напомнил, что еще многое предстоит сделать для бедняков, подверженных пьянству, и просил публику не скупясь поддержать благородные начинания, которые

проводятся под его руководством. Наши пожертвования, сказал он, не будут растрчены впустую, и мы обречем сокровище на небесах.

Промокнув лоб накрахмаленным белым платком, Фосетт сошел со сцены – очевидно, ему необходимо было немного отдохнуть. Мистер Причард высоким голосом пригласил нас выйти и подписать отречение от крепких напитков. Соответствующий документ уже лежал на кафедре. К нему подошли три или четыре человека. После того как они поставили свои подписи, мистер Уолтерс снова сел за пианино. Мы встали, чтобы исполнить последний гимн. Во время песнопения мистер Причард, по-прежнему потный, обходил ряды с деревянным блюдом для сбора пожертвований. К тому времени, как он дошел до меня, блюдо оказалось почти полным. Растроганные красноречием Фосетта и его мольбами, люди не скупились. Я положила на блюдо шиллинг и, заметив, что Бесси собирается добавить свои два пенса, перехватила ее руку со словами:

– Я положила за нас обеих!

Мистер Причард наградил меня укоризненным взглядом, но я не отвела глаз, и он поспешил прочь. Однако я успела заметить, что свои жидкие волосы он мажет не помадой, а свиным жиром. В тепле жир таял, отчего его лоб блестел, как отполированный.

Гости окружили чайный стол, где хлопотала миссис Гриббл в своей шали и юбке с оборками. Ею руководила миссис Скотт.

– Посидите, миссис, – предложила Бесси, – а я принесу вам чай и печенье.

– Нет, нет, – невозмутимо ответила я, – я хочу со всеми познакомиться! – И двинулась вперед.

За мной плелась Бесси, полная дурных предчувствий.

Приблизившись к столу, я заметила, что, хотя в объявлении после проповеди обещали печенье, деревянное блюдо, стоявшее на столе, было предназначено для пожертвований. Бесси уже налила мне чаю в толстую фаянсовую чашку. Кроме того, она подошла к миссис Скотт и прошептала что-то ей на ухо. Миссис Скотт двинулась мне навстречу, оглядывая меня с ног до головы. Она явно оценивала мое положение в обществе и уровень доходов моего мужа.

– Насколько я понимаю, – сказала она, – вы хозяйка Бесси, миссис Росс. Добро пожаловать! – Она изящно склонила голову.

– Я пришла взглянуть своими глазами, куда Бесси ходит каждую неделю, – сухо ответила я. – Я отвечаю за нее.

Миссис Скотт встретила мои слова натянутой улыбкой.

– Приятно слышать, миссис Росс, что вы так серьезно относитесь к своим обязанностям. Бесси хорошая девушка; она много помогает нам. Как по-вашему, вы многое почерпнули сегодня вечером?

– Почерпнула? – удивленно переспросила я.

– Вы узнали то, ради чего пришли сюда? – Ее тон нельзя было назвать откровенно издевательским, но я уловила в нем насмешку.

– Да, наверное, – ответила я. – Хорошо, что Бесси вам помогает, но меня волнуют листовки...

Миссис Скотт уже не слушала меня. Она смотрела на кого-то за моей спиной; ее бледное лицо слегка порозовело. Я почувствовала, как мне в щеку кто-то дышит, и уловила аромат фиалковых пастилок. Я обернулась.

– Дорогая мадам, – сказал мистер Фосетт, – правильно ли я понимаю, что вы – хозяйка Бесси? – Он бегло погладил Бесси по голове, на которую она сегодня надела свой лучший чепец.

Бесси просияла, как будто наступило Рождество. Фосетт благожелательно улыбался мне; я подумала, что такая улыбка не вяжется с его молодостью... а он в самом деле оказался молодым. Его возраст я угадала более или менее верно. Ему не могло быть больше тридцати лет.

Чистое лицо, большие, широко расставленные глаза, орлиный нос... Свои длинные кудри он успел расчесать после проповеди. Он снова напомнил мне архангела, нарисованного на витраже.

– Да, – сухо ответила я. Не знаю почему, но в голове стало пусто. Я приготовила целую речь, но все слова как будто куда-то подевались. И все же я не сдавалась. – Вы замечательный оратор, мистер Фосетт.

Он слегка поклонился. Я не могла оторваться от его глаз. Они были необычайного цвета – ни синие, ни зеленые, пожалуй, цвета морской волны...

– Миссис Росс, наше дело чрезвычайно важно и не может не волновать всех.

– Мистер Фосетт, – продолжала я, – буду с вами откровенной. Я пришла поговорить относительно неких листовок.

Он состроил удивленную мину.

– Вчера Бесси заходила за ними сюда, из-за чего вернулась домой очень поздно. Как вам известно, вечер был очень туманный, и мы с мужем волновались за нее... – Я понимала, что говорю быстро и бессвязно, но ничего не могла с собой поделать.

Мистер Фосетт перевел взгляд на Бесси и укоризненно покачал головой. Радость девочки тут же сменилась унынием. Ее лицо мгновенно привело меня в чувство.

– Она не виновата! – отрывисто продолжала я. – Ее убедили в том, что распространять листовки – ее долг. Но я не позволю ей раздавать какие бы то ни было листовки вне зависимости от их содержания.

– Значит, она ничего не будет раздавать, – вкрадчиво ответил Фосетт. – Бесси, ты слышишь? Ты не будешь распространять листовки, поскольку твоя хозяйка против. Прежде всего ты должна была заручиться ее согласием!

– Да, сэр, – с жалким видом ответила Бесси.

– Бесси, может быть, ты сможешь собирать чашки? – предложила я.

Бесси бочком удалилась, не сводя с нас взгляда.

– Я ни в чем не обвиняю Бесси, – продолжала я, – и хочу сразу расставить все точки над «i». Ваша проповедь произвела на меня сильное впечатление, но меня очень тревожит то, что вы играете чувствами собравшихся. Кроме того, по-моему, привлекать молодых людей и даже детей к вашим собраниям совершенно недопустимо.

У меня за спиной возмущенно ахнула миссис Скотт. Я по-прежнему неотрывно смотрела на Фосетта.

К моему удивлению, он снова благожелательно улыбнулся мне. Ему даже хватило наглости взять меня за руку. У него оказались длинные и тонкие пальцы с маникюренными ногтями, которые сужались к кончикам.

– Дорогая мадам, – он снова слегка подался вперед, глядя на меня своим почти гипнотическим взглядом, – вы не верите!

– Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать свои религиозные убеждения! – отрезала я, выдергивая руку.

– Совершенно верно. Я имел в виду другое. Вы не верите *в то, чем мы здесь занимаемся*. Надеюсь, вы придете снова и вас убедят примкнуть к нашему делу.

С этими словами он снова улыбнулся, слегка поклонился и отплыл от меня прочь к какой-то своей ревностной почитательнице.

Я обернулась к миссис Скотт. Она смотрела на меня с откровенной неприязнью.

Выйдя из зала, мы увидели на улице карету. Мне показалось, что она ждет миссис Скотт.

– Правда, он необыкновенный? – спросила Бесси, выводя меня из задумчивости.

– Определенно, – ответила я.

– И такой красивый джентльмен, – задумчиво продолжала она.

– Да. Но ему самому, по-моему, очень угрожает грех тщеславия! – резко сказала я. Бесси мои слова изумили, но она промолчала.

Сзади слышались цокот копыт и грохот колес. Нас обогнала карета, которую я видела раньше. Я успела заметить, что внутри сидят миссис Скотт и мистер Фосетт.

Интересно, подумалось мне, везет ли она его к нему домой, совершая акт милосердия, или пригласила к себе, чтобы тот, возможно, обратился там к более узкому, избранному кругу? Я подозревала, что Фосетт в его темно-серых панталонах, с густыми кудрями и бриллиантовой булавкой в галстук способен стать центром внимания в каком-нибудь модном салоне.

Дома я рассказала Бену обо всем.

– Ты запретишь ей посещать собрания? – спросил он, выслушав меня.

Я замялась:

– Не знаю. Нет, во всяком случае, не сразу. Она возмутится, и у нее появится повод еще больше восхищаться Фосеттом. Я сказала им все, что думаю. По-моему, теперь, когда они знают, что я за ними слежу, они будут осторожнее с Бесси.

Бен положил голову на спинку кресла и попросил:

– Лиззи, скажи, какого ты мнения об этом проповеднике, Фосетте?

– По-моему, – медленно ответила я, – он опасный человек!

– Опасный?! – Бен удивленно поднял черные брови.

– Нет, он не похож на тех, с кем тебе обычно приходится иметь дело, – поспешно продолжала я. – Не думаю, что он способен на кого-то напасть. Просто он обладает большой властью над слушателями, когда говорит... Поверь мне, Бен, сегодня все собравшиеся в зале женщины и даже мужчины готовы были выполнить любую его просьбу, любой приказ! Сегодня он призывал их отказаться от крепких напитков. Наверное, в такой просьбе нет ничего плохого, хотя его проповедь меня несколько утомила. Мой отец всегда рекомендовал больным пить немного портвейна. Помню, однажды он сказал, что виски с горячей водой лечит простуду лучше всяких порошков. Фосетт явно умеет заставить людей раскошелиться. Сейчас он призывает жертвовать на благородное дело... Но меня волнует другое. Он способен убедить в чем угодно любую толпу! И заставить людей сделать все, о чем он их просит.

– Будем надеяться, что он не пойдет в политику, – ответил Бен.

Глава 3. Инспектор Бенджамин Росс

Утром в понедельник меня подкараулил сержант Моррис. Его внушительная фигура выплыла словно ниоткуда, стоило мне переступить порог; я заранее понял, что он собирается сказать. Как всегда, он прикрыл усы кулаком, деликатно откашлялся и прооркотал:

- Суперинтендент Данн вызывает вас к себе, сэр. Сейчас же!
- В чем дело? – спросил я, потому что Моррис обычно в курсе последних событий.
- Труп, – угрюмо ответил Моррис. – Убили какую-то порядочную женщину.
- Где нашли? – спросил я на ходу.
- В Грин-парке, – сообщил Моррис, шедший за мной по пятам.
- В таком приличном месте?! – изумился я.

Убийство – а я подозревал, что речь идет именно об убийстве, – дело нешуточное. Я оказался прав. Грин-парк служит своего рода перемичкой между более обширным Гайд-парком и, пожалуй, более аристократическим Сент-Джеймс-парком. Что еще важнее, совсем рядом с Грин-парком находится Букингемский дворец с прилегающими угодьями. Ясно, почему Данн срочно потребовал меня к себе. Не каждый день людей убивают в королевском парке, тем более практически на пороге резиденции ее величества. Я ускорил шаг.

Суперинтендент Данн расхаживал туда-сюда, потирая ладонью голову и хмурясь. Он был дородным и плотным и внешне больше напоминал деревенского сквайра, чем полицейского. По утрам его короткие жесткие волосы всегда бывали аккуратно причесаны и лежали ровно. Но спустя некоторое время они уже стояли дыбом. Данн всегда напоминал мне крупного терьера. Когда мы вошли, он круто развернулся и посмотрел на меня в упор налитыми кровью глазами.

- Ну и дельце! – заметил он.
- Доброе утро, сэр, – ответил я.
- Какое же оно доброе? – возмутился Данн. – В кустах, в Грин-парке, найдено тело прилично одетой женщины.
- Где оно сейчас? – осведомился я.
- В больнице Святого Фомы, – ответил Данн. – Все необходимые процедуры проведет Кармайкл.

Доктор Кармайкл обычно проводил для нас вскрытие. Я уважал его мнение и был доволен, что трупом занимается именно он. Кроме того, я вздохнул с облегчением, услышав, что труп доставили в больничный морг. За годы службы мне приходилось осматривать трупы или присутствовать при вскрытии в самых разных местах. Однажды труп лежал в садовом сарае, в другой раз – в кладовке третьеразрядной гостиницы, где все забивал запах лука, поднимавшийся из кухни этажом ниже. В то время я еще радовался такому обороту событий. Лук забивал запах запекшейся крови.

Данн грустно сел за стол и жестом предложил мне сесть.

– Труп нашли ранним утром в воскресенье, его обнаружил один из констеблей парковой полиции во время первого обхода, – продолжал он. – Констебль заметил сломанные ветки и решил осмотреть заросли. Он подумал, что в кустах, возможно, ночует какой-нибудь бездомный. А нашел там уже остывший труп.

- Причина смерти?
- Удушение.

Если труп, по словам Данна, «остывший», скорее всего, он пролежал там с субботнего вечера. Точнее о времени смерти скажет Кармайкл. Суббота... туман... удушение... По спине у меня пробежал холодок. Грин-парк ближе к Вестминстерскому мосту, чем к мосту Ватерлоо, и все же недалеко. Неужели Речной Дух в поисках жертв забрался и туда?

- Сэр, я должен вам кое-что рассказать, – не выдержал я.

– Что еще? Как будто мне мало! – воскликнул Данн. – Росс, дело серьезное! Не перебивайте меня! Вопросы зададите потом, когда я изложу все факты.

– Да, сэр, но то, что я должен вам рассказать, возможно... связано с нашим делом, а возможно, нет.

Данн молча выслушал мой рассказ о встрече с Дейзи Смит на мосту и ее словах о Речном Духе. Когда я закончил, он пылко потер ладонями голову и мрачно произнес:

– Росс, держите пока язык за зубами. По крайней мере, в ближайшее время. О деле должны знать только мы с вами и те, кто связан со следствием. Меньше всего нам сейчас нужно сеять панику на улицах Лондона. Как только история получит огласку, нам отбоя не будет от женщин, которые заявят, что они видели этого так называемого Речного Духа, слышали его завывания или подверглись его нападению. Представьте, как обрадуются представители прессы! Мы не сумеем отбиться от репортеров!

– Согласен, сэр. Скажите, пожалуйста, есть ли признаки ограбления?

Данн почесал подбородок.

– При убитой не нашли ни кошелька, ни сумочки, зато у нее имелось обручальное кольцо, кольцо с бриллиантом и золотые серьги с жемчугом. Так как драгоценности не взяли, судя по всему, не ограбление стало поводом для убийства. Возможно, у вашего Речного Духа имеются свои извращенные мотивы. Кстати, не похоже, что убитая – проститутка.

– Разумеется, сэр. Сержант Моррис назвал убитую «порядочной женщиной». Но, если эта порядочная женщина гуляла одна в парке, убийца вполне мог принять ее за девушку легкого поведения. Не будем забывать, в тот день город окутал густой туман. Жертва не видела преступника, пока он не набросился на нее. С другой стороны, и преступник видел жертву неотчетливо. Он различил женскую фигуру и понял, что она одна. Мы не знаем, зачем она пришла в парк; можно предположить, что она заблудилась. Возможно, она даже окликнула его, собиравшись спросить, где она находится, а преступник решил, что она приняла его за клиента...

Наступило молчание; Данн обдумывал мои слова. Я осмелился продолжить:

– Сэр, что было после того, как нашли тело?

– Ах да, – встрепенулся Данн. – Сейчас... Констебль из парковой полиции знает, что трупы не в их компетенции. Он решил найти кого-нибудь из уголовного розыска. По счастливой случайности ему встретился констебль Вуттон. Тот засвистел, вызывая подкрепление. О произошедшем доложили инспектору Уоткинсу из участка на Литтл-Вайн-стрит; он немедленно отправился на место. Одновременно с ним пришел и инспектор парковой полиции; они немного поспорили о том, кто поведет дело.

А труп лежал на земле? Я живо представил, как два инспектора спорят, кто из них главнее. Стали бы они так беспокоиться, если бы пришли к выводу, что жертва – проститутка?

Я невольно вспомнил Дейзи, и в голову мне пришла одна мысль.

– По-моему, не стоит делать поспешных выводов о ее положении лишь на том основании, что она была хорошо одета. В парк иногда заходят проститутки высшего разряда. Чтобы не попасться констеблям, охраняющим парк, им приходится модно одеваться и не выдавать своего ремесла.

– Возможно, вы и правы, но у нас уже нет сомнений в том, что несчастная была порядочной женщиной, как на то указывает ее наряд, – проворчал Данн. – Ее личность установлена.

– Уже? – изумился я.

– Да. Некий мистер Себастьян Бенедикт уже заявил, что убитая – его жена; ее звали Аллегра. Бенедикты живут в Суррее, в окрестностях Эгама. В субботу миссис Бенедикт вместе со своей компаньонкой поехала в Лондон за покупками. В тумане они потеряли друг друга из виду – дело было на Пикадилли. Пытаясь разыскать хозяйку, компаньонка обратилась к некоему мистеру Ангелису, который служит управляющим в лондонской конторе мистера Бенедикта. Помещение конторы находится рядом с тем местом, где она потеряла хозяйку. Так и не

найдя миссис Бенедикт, компаньонка направилась на вокзал Ватерлоо и, вернувшись домой, обо всем сообщила мистеру Бенедикту. Они надеялись, что миссис Бенедикт также вернется домой, но напрасно. С вечерним поездом приехал лишь управляющий Ангелис, сообщил, что не обнаружил хозяйку, и заявил о ее пропаже в полицию. Затем Ангелис вернулся в Лондон, так как больше ничем помочь не мог...

Поэтому рано утром в воскресенье Бенедикт приехал в Лондон лично и сразу отправился в участок на Литтл-Вайн-стрит. По счастливой случайности инспектор Уоткинс услышал, как Бенедикт разговаривает с дежурным сержантом. Тогда Уоткинс только что вернулся с места убийства, где осматривал жертву. Ему показалось, что приметы совпадают. Естественно, все боялись худшего. Бенедикта повезли на опознание. Он сразу же заявил, что жертва – его жена, и потерял сознание. Ему пришлось оказывать помощь.

– Кто такой Бенедикт? – спросил я. – Чем он занимается? Наверное, он человек состоятельный, раз у него контора вблизи Пикадилли!

– Бенедикт действительно человек весьма состоятельный, – с кислым видом ответил Данн. – Он торгует произведениями искусства, что бы это ни значило. Его контора, которую он называет «галереей», находится на Пикадилли.

– Значит, деньги у него водятся, – пробормотал я себе под нос. – И он знаком со многими богачами – в том числе своими клиентами.

– Да, наверное, – согласился Данн. – Мы договорились о следующем. Хотя преступление совершено в парке, юрисдикция парковой полиции ограничена территорией парка. Кроме того, им не по зубам такое серьезное... и сложное дело. Участок на Литтл-Вайн-стрит тоже не хочет им заниматься. Поэтому дело передали нам.

А Данн передавал его мне – это была толстая папка с бумагами.

– Здесь вы найдете все сведения о Бенедикте, его адрес и так далее. Кроме того, с его слов записано, что он опознал жену. В морге он был в таком состоянии, что почти ничего не мог говорить. Вы также найдете здесь показания констебля парковой полиции. По его словам, если бы не туман, который сгустился накануне вечером, тело непременно обнаружили бы раньше, еще в субботу. Они очень тщательно проверяют парк перед закрытием.

– Я обязательно поговорю с ним, сэр, и с остальными, кто был там. Кроме того, мне придется допросить компаньонку, которая ездила в Лондон с миссис Бенедикт и потеряла ее в тумане. Кстати, как ее зовут?

Я принялся листать немногочисленные бумаги в папке, но мне ответил Данн:

– Ее фамилия Марчвуд. Изабелла Марчвуд.

– Надеюсь, мне можно будет взять с собой в Суррей Морриса? – спросил я.

Данн кивнул и жестом показал, что я могу идти.

– Ужасное дело, сэр. С чего начнем? – спросил Моррис, когда мы вышли.

– Я поеду в больницу Святого Фомы и поговорю с Кармайклом, если застану его, а заодно взгляну на жертву. А вы пока отправляйтесь на Литтл-Вайн-стрит. Если констебль Вуттон на месте, отправляйтесь с ним в парк и найдите констебля, который обнаружил труп. Позже я к вам присоединюсь.

– А, инспектор Росс! Рад снова видеть вас!

Таковыми словами, едва ли уместными при данных обстоятельствах, встретили меня, когда я вошел в морг. Их произнес длинноволосый субъект с одутловатым лицом. Рукава его были закатаны, поверх рубашки и брюк он надел резиновый фартук. Длинные руки болтались вдоль тела. Его голубые глаза были такими блеклыми, что казались бесцветными.

– Добрый день, Скалли, – сухо ответил я, стараясь скрыть неприязнь.

Скалли был ассистентом и доверенным слугой Кармайкла; я полагал, что он стал для доктора незаменимым. Уже не в первый раз я пожалел о том, что Кармайкл, к которому я питал большое уважение, не нашел себе другого помощника. С другой стороны, наверное, мало найдется охотников делать грязную работу и вскрывать трупы вместе с Кармайклом.

– Вы, наверное, пришли взглянуть на наше новое поступление, – продолжал Скалли глуховатым голосом. – Прошу вас, следуйте за мной.

– Доктор Кармайкл здесь?

Скалли обернулся с порога и сказал:

– Я жду его с минуты на минуту, инспектор Росс.

– А он уже?..

– Нет, сэр, мы еще не начинали.

Хвала небесам! Мне хотелось осмотреть Аллегру Бенедикт в целом виде.

Следом за Скалли я прошел в дальнее помещение. Приблизившись к двери, я удивился, услышав какое-то шипение. Потом в ноздри мне ударил резкий запах карболовой кислоты. Мне показалось, что в зале идет дождь: было очень влажно, откуда-то капало. Приглядевшись, я увидел в углу устройство, разбрызгивавшее едко пахнущую кислоту над столом, на котором лежало мраморно-белое тело молодой женщины. Кожа трупа влажно поблескивала; из-за карболки пахло в помещении просто невыносимо. Я сразу промок и, наверное, весь пропах карболкой.

– Что это такое?! – крикнул я, указывая на странное устройство, а свободной рукой прикрывая нос и рот.

– Сейчас выключу, сэр! – ответил Скалли, хотя я с трудом расслышал его из-за шипения адской машины.

Он повернул кран; шипение прекратилось. К счастью, прекратился и «дождь». Лишь изредка сверху на нас падали капли.

– Аппарат установили совсем недавно, – горделиво объяснил Скалли. – Он распыляет карболовую кислоту, которая, как считается, уменьшает риск заражения. Мы проводим испытания.

– Заражения? Бедная женщина уже ничем не заразится, – возмущенно возразил я, вытирая ладони о волосы.

– Заразиться, сэр, можем мы с доктором Кармайклом, а не несчастная покойница.

Я по-прежнему не понимал, зачем профессионал старой школы, каким я считал доктора Кармайкла, решил провести опыт с новомодным аппаратом и какой от него может быть прок. К счастью, вскоре появился и сам Кармайкл – щеголеватый, в черном сюртуке, с шелковым цилиндром в руке.

Он тепло пожал мне руку:

– Так и думал, инспектор, что сюда приедете вы или кто-нибудь из ваших коллег, поэтому нарочно не торопился со вскрытием.

– Скалли объяснил, что вы распыляете здесь карболовую кислоту, – заметил я.

– Считается, что карболовая кислота весьма полезна. – Кармайкл с важностью кивнул в сторону аппарата. – Необходимо преодолевать свою ограниченность, инспектор. Я регулярно читаю статьи доктора Листера, опубликованные в «Ланцете» и других научных журналах. Он весьма успешно применяет карболовую кислоту в операционной своей клиники в Глазго. Я тоже решил провести несколько опытов. Вижу, вас это удивляет, ведь я не провожу операций на живых людях. Сейчас я объясню причину своего интереса... Росс, когда я начал изучать медицину, подружился с одним своим однокурсником по имени Роберт Паркинсон. Он был веселый малый, душа компании и любил подшучивать, как все молодые люди, особенно студенты-медики.

Как-то мы ассистировали на вскрытии; нам с Робертом поручили зашивать труп. Я держал иглу, которой работал, очень осторожно и потом убрал ее подальше, а Роберт, будучи по натуре легкомысленным, вколол свою иглу в лацкан сюртука. Чуть позже он, забывшись, провел по лацкану рукой и поцарапался ладонью о кончик иглы. Естественно, мы все поняли, что это значит. Никогда не забуду выражения лица несчастного Паркинсона. Помню, как все мы сразу замолчали. Мы как могли старались спасти его; можно сказать, было сделано все возможное и невозможное, но, когда зашиваешь полуразложившийся труп... Короче говоря, через несколько дней Роберт скончался от заражения крови.

Закончив свой ужасный рассказ, Кармайкл покачал головой. Скалли помог ему снять уличный сюртук и повесил его в шкаф. На смену уличному Скалли принес Кармайклу другой сюртук, рабочий, весь в жутких пятнах крови, и помог доктору облачиться.

– Итак, инспектор, – отрывисто продолжал Кармайкл, – довольно воспоминаний! Давайте посмотрим на несчастную молодую женщину. Не спешите, пол скользкий.

Мы подошли к столу, на котором лежало обнаженное тело. Неожиданно для себя я ахнул. Убитая женщина была настоящей красавицей... при жизни, конечно. Смерть обезобразила ее: лицо пошло пятнами, глаза остекленели. И все же можно было понять, что когда-то она была безупречно красивой. Длинные, густые, мокрые от карболки волосы были цвета воронова крыла. За разомкнутыми губами виднелись ровные белые зубы.

– Сколько ей лет? – тихо спросил я.

– По словам мужа, двадцать семь. Инспектор, вы обратили внимание на ее шею? – проворчал Кармайкл.

Наверное, ему не понравилось, что я так ошеломленно таращусь на покойницу. Я склонился над трупом и во второй раз невольно ахнул.

Ее задушили не руками, а веревкой. Нет ничего удивительного в том, что Данн не сомневался в причине смерти. На шее у покойницы была затянута петля из тонкого шнура.

– Как завязана петля? – тихо спросил я.

– На узел с задней стороны шеи.

– Петлю можно снять, не повредив узла?

– Скалли! – отрывисто позвал Кармайкл. – Будьте добры, ножницы!

Скалли принес ножницы, и Кармайкл аккуратно разрезал петлю. Скалли неуклюже приподнял голову убитой: трупное окоченение еще не прошло. После того как Кармайкл осторожно снял петлю, на коже убитой остался алый отпечаток. Я внимательно рассматривал тонкий шнур – таким обычно подвязывают оконные жалюзи. Тогда к концу шнура пришивают кисти или деревянные ручки.

– Узел двойной, – заметил я, хмурясь.

– Верный признак того, что преступник не оставлял ей шанса выжить, – заметил Кармайкл. – Наверное, сначала он набросил ей на шею свободную петлю, затем сделал узел и туго затянул, а когда жертва упала, он для верности завязал петлю еще одним узлом. Наверное, он слышал истории о том, как спасаются повешенные...

Действительно, подобные случаи известны, хотя они редки. Иногда казненные на виселице оставались живыми. Разумеется, такое случалось раньше. Теперь мы подходим к вопросам смертной казни гораздо рациональнее.

– Я почти не сомневаюсь, – продолжал Кармайкл, – что обнаружу перелом подъязычной кости и, возможно, хрящей гортани. Кроме того, я рассчитываю увидеть внутривенное кровоизлияние. Скоро мой предварительный диагноз подтвердится.

– Он вышел на дело, твердо намеренный убить. Он прихватил с собой все необходимое, – пробормотал я себе под нос.

Но Дейзи говорила, что Речной Дух схватил ее за горло *руками*. Она ни словом не заикнулась о шнуре или веревке. Правда, Дейзи убежала от Духа. Может быть, Дух решил больше не полагаться на волю случая и потому приготовил петлю из шнура?

– Он напал на одинокую испуганную женщину, которая заблудилась в тумане... Может быть, он предложил помочь ей, проводить и так заманил в парк? – вслух рассуждал я.

– Инспектор, я привык работать с трупами. Искать убийц – ваше дело, – только и ответил Кармайкл.

– Тогда скажите, пожалуйста, давно ли она, по-вашему, умерла? Когда наступила смерть? – Вопрос был важным. Парк – место общественное. Конечно, из-за тумана во второй половине дня народу там было немного.

Доктор поджал губы:

– Как вы, несомненно, понимаете, инспектор Росс, точное время я назвать не могу. Мне сообщили, что ее нашли рано утром в воскресенье. Скорее всего, смерть наступила во второй половине дня в субботу, скажем, между четырьмя и шестью часами вечера.

Значит, ее убили в то время, когда Лондон окутывал густой туман.

– Доктор, у меня к вам еще один вопрос, – продолжал я. – Вы присутствовали при том, как мистер Бенедикт опознал жену?

– Нет, – ответил Кармайкл, переводя взгляд на лоток с инструментами. – Здесь был Скалли.

И мне снова пришлось обратиться к Скалли. Я нашел его в прихожей.

– Конечно-конечно, инспектор Росс, сэр, я очень хорошо помню мистера Бенедикта. Я показывал ему тело. – Скалли неприятно осклабился и потер руки.

Нервы мои были на пределе. Иногда про кого-то говорят: «У меня от него мурашки по коже». Именно такое действие оказывал на меня Скалли. Как может Кармайкл каждый день работать с таким типом? Разумеется, Кармайкл всецело сосредоточен на работе... И все же я не удержался:

– Надеюсь, когда вы привели его на опознание, в зале не распыляли карболовую кислоту?

– Нет, сэр, я хорошо подготовил его супругу; все тело, кроме лица, было укрыто простыней. Мне не хотелось огорчать его больше, чем было необходимо. – Мерзкая улыбка на физиономии Скалли сменилась ханжески-скорбным выражением.

– Огорчать больше, чем было необходимо?! Да ведь вы привели его смотреть труп жены! – воскликнул я.

– Разумеется, сэр, но мне хотелось, чтобы он видел, что мы обращаемся с трупами со всем уважением, – укоризненно ответил Скалли. Видимо, я задел его профессиональное достоинство.

– Все так, но ведь он и так был очень огорчен, правда? Говорят, после опознания он упал в обморок.

– Свалился замертво. – Скалли пожал плечами. – Почти сразу рухнул как подкошенный прямо на пол. Я привел его в чувство с помощью нюхательных солей. Всегда держу наготове флакон... Родственники часто падают замертво, особенно дамы. Я привожу их в чувство и стараюсь утешить. – Он снова мерзко осклабился.

Мне все труднее было скрывать свое отвращение к нему.

– И как он себя чувствовал, когда пришел в себя?

– Не понимал, на каком он свете. Так оно со всеми бывает, кто вдруг оказываются на полу... Он спросил, что случилось, и я объяснил, что он потерял сознание.

– Он что-нибудь еще говорил тогда?

Скалли поскреб свою непривлекательную физиономию и, подумав, ответил:

– Бормотал что-то бессвязное... Говорю же, не понимал, на каком он свете. А из его слов я ничего почти не разобрал.

– Ясно, значит, его слова показались вам бессмысленными. И все же попробуйте вспомнить, что именно он говорил! – не сдавался я.

– Мол, смерть опять пронеслась мимо стариков и гонится за молодыми. Да, еще говорил, что они хотели спрятаться за воротами, но все напрасно.

– За воротами? Какими воротами? В парке?

– Чего не знаю, того не знаю, – угрюмо ответил Скалли. – Я что слышал, то и говорю. Ведь предупреждал я, что ничего не разобрал... И я не виноват, – обиженно добавил он.

Я извинился:

– Вы мне очень помогли, Скалли. Для следствия очень важно выяснить первую реакцию супруга.

– Думаете, он сам ее прикончил? – оживился Скалли; его обычно тусклые глаза блеснули. – Значит, муженек ее и удавил? Но зачем было тащить ее в парк? Мог бы душисть и дома!

– Я вовсе не считаю, что ее убил он, – отрезал я.

– Ясно, – разочарованно протянул Скалли.

– Где ее одежда? – спросил я.

– Здесь, мистер Росс. – Скалли подвел меня к столу, на котором были аккуратно разложены вещи покойницы, и взял юбку. – Немного порвалась вот здесь, видите?

Юбка была из коричневой шерстяной ткани; расстелив ее на столе, я увидел дыру с рваными краями ниже пояса. Дыра была длиной дюйма три и около дюйма шириной.

– Это для вас важно? – спросил Скалли, не сводя с меня своих блекло-голубых глаз.

– Возможно, – ответил я. – Если удастся найти недостающий клочок. Где ее украшения?

Скалли вручил мне мятую картонную коробку. Открыв ее, я увидел драгоценности, о которых говорил Данн.

– Мне придется забрать их с собой; сейчас напишу расписку. – Я написал, что забираю два кольца, одно из желтого металла, одно из серебристого металла с камнем белого цвета, и пару серег желтого металла с жемчужинами. В таких случаях подробное описание очень важно. На посторонний взгляд, поддельные алмазы и позолота выглядят вполне убедительно. И потом, не хотелось, чтобы Бенедикт потом обвинил нас в подмене ценных украшений на фальшивки. – Спасибо, Скалли.

Он понял, что я больше его не задерживаю, и засунул расписку в карман жилета.

– Рад был помочь вам, инспектор. Извините, мне пора к доктору Кармайклу.

Как мы договорились, из больницы я отправился в Грин-парк, где встретился с Моррисом, констеблем Вуттоном и констеблем парковой полиции Уильямом Хопкинсом, который обнаружил тело. Позже к нам присоединился инспектор парковой полиции по фамилии Пиклз. Выражение лица у него было очень кислое – похоже, он страдал несварением. Даже редкие усики висели как-то уныло. Констебль Хопкинс, напротив, показался мне бравым военным в отставке. Стоял он очень прямо, как на параде, и его роскошные напомаженные усы выглядели особенно пышно рядом со скудной растительностью инспектора Пиклза.

В Грин-парке много открытых лужаек, широких аллей и дорожек, обсаженных деревьями. Немногим более ста лет назад, когда здесь еще была городская окраина, это место пользовалось дурной славой: все боялись грабителей и разбойников с большой дороги. В наши дни королевские парки, в том числе и Грин-парк, считаются тихими уголками, местами отдыха. В парках собственная полиция следит за порядком. Не в таком уголке рассчитываешь столкнуться с убийцей... Чем больше я озирался по сторонам, тем невероятнее казалось мне то, что здесь произошло. Каким образом Аллегра Бенедикт очутилась в парке? Пойти гулять она могла в ясный солнечный день. Но что заманило ее в Грин-парк в туманный, промозглый вечер? Конечно, можно предположить, что она просто заблудилась. В конце концов, парк с одной стороны граничит с улицей Пикадилли. И все же...

Мы собрались в том месте, где Хопкинс сделал свою ужасную находку. Труп он обнаружил в дальнем конце парка, где деревья и кусты не так ухожены, как в центре. Рядом с довольно густыми зарослями раскинул свои ветви огромный старый дуб. Моррис задрал голову и осмотрел его.

– Очень красивое дерево, – заметил он.

– Этот дуб, – горделиво сообщил ему констебль Хопкинс, – посадили здесь при Карле Втором. Король очень любил Грин-парк. Бывало, придет сюда со своими придворными и гуляет запросто, а иногда беседует с подданными... Конечно, он приходил сюда уже после своего возвращения на престол. А во времена гражданской войны, когда королю пришлось спастись от врагов, он спрятался на дубе. Солдаты «круглоголовые», которые охотились на него, обыскали всю округу, а посмотреть наверх не догадались. Наверное, поэтому король так полюбил дубы; может быть, он и приказал посадить здесь один в честь своего благополучного спасения.

Я тоже слышал, что молодому Карлу Второму пришлось прятаться от преследователей на дубе. Но никогда не слышал, что после тех событий король приказывал сажать дубы в память о том знаменательном событии. По-моему, Хопкинс придумал эту историю сам и охотно рассказывал ее впечатлительным посетителям парка; возможно, его благодарили за ценные сведения и награждали шиллингом-другим.

– Ладно, Хопкинс! – рявкнул инспектор Пиклз, раздраженный говорливостью своего подчиненного. Однако мы с Моррисом соорудили подобающие случаю восхищенные мины и обратили внимание на мятые кусты. Их обнесли веревочным кордоном и повесили дощечку с написанным от руки извещением: «Проход воспрещен».

– Приятно видеть, что место преступления так хорошо охраняется, – обратился я к инспектору Пиклзу.

Пиклз еще больше приуныл, если только такое возможно.

– Мы сделали все необходимое. Сразу после того, как жертву обнаружили, я прислал сюда двух констеблей и велел не пускать сюда посетителей.

– Да, сэр, так точно, сэр! – поддержал своего начальника констебль.

Сознание собственной важности – как-никак это он обнаружил труп – позволило Хопкинсу обращаться к нам напрямую, рискуя навлечь на себя гнев инспектора Пиклза. Он неблагодарно решил развить мысль своего начальника:

– Как только обо всем стало известно, – а такие вести расходятся быстро, помяните мое слово, – здесь оказалось бы полгорода; всем любопытно взглянуть на то самое место! Зеваки бы еще больше истоптали траву, – с осуждением продолжал он, – а может быть, и вырезали свои имена на том самом дубе, который был молодым деревцем во времена доброго короля Карла, они ведь не знают, что такое почтение к прошлому! Поэтому мы выставили кордон и повесили табличку. Правда, потом они все равно придут... – мрачно заключил он.

– Помолчите, Хопкинс! – желчно прервал его Пиклз.

Я снова поблагодарил обоих, хотя так и не понял, что их занимало больше – охрана места убийства или порча зеленых насаждений. Нисколько не сомневаюсь, что Хопкинс был совершенно прав. Скоро сюда повалят толпы зевак. Уже не в первый раз я задумался о причинах таких нездоровых пристрастий нашей публики. Впрочем, то же самое, что говорил Хопкинс, я уже слышал от Данна. Репортеры поспешат ухватиться за такую интересную историю.

Чувствуя на себе недовольный взгляд Пиклза, я перешагнул через веревку и осмотрел землю и кусты. Сломанные ветки бросались в глаза; я не удивился, что Хопкинс заметил их во время своего обхода.

– Что вы заметили прежде всего, отсюда с дорожки, мертвую женщину, ее одежду или сначала обратили внимание только на поломанные сучья? – спросил я.

Хопкинс покачал головой:

– Нет, сэр, сначала я ничего такого не заметил. Я видел, что кто-то здесь пробирался. Потом заметил обрывок коричневой материи, который запутался в ветвях.

– Где он? – спросил я, ни на что не надеясь.

– Я нашел его здесь, сэр. – Хопкинс достал клочок материи. – Могу точно показать, где именно.

Я взял у него материю; мне сразу стало ясно, что она от юбки миссис Бенедикт, потому что точно соответствовала дыре, которую я заметил в морге. Конечно, лучше бы Хопкинс его не трогал, но хорошо, что он хотя бы сохранил его.

– А сумочки, ридикюля или кошелька рядом с ней не было? – спросил я.

– Нет, сэр. Я искал очень внимательно. Наверное, сумочку унес преступник.

– Слыханное ли дело, чтобы в нашем парке нападали на публику! – пробурчал Пиклз, злобно покосившись на меня. – Невероятно, просто невероятно!

– Вот именно, инспектор. Продолжайте, Хопкинс, – попросил я.

Хопкинс расправил плечи, глубоко вздохнул и возобновил рассказ:

– В кустах я увидел своего рода пролом и полез туда. Надеялся, что нарушитель никуда не делся, а спит где-нибудь в кустах, тут-то я его и сцапаю!

Пышные усы Хопкинса задрожали, а глаза засверкали при мысли о том, что бы он сделал с негодяем, если бы сумел его поймать.

– К сожалению, сэр, его там не оказалось. А она лежала вон там, посередине, совсем мертвая. Так как я не мог сразу же дозваться инспектора Пиклза, я выбежал из парка и нашел констебля Вуттона.

– Совершенно верно, сэр! – напевным голосом подтвердил Вуттон, откашлявшись.

– Я в это время находился возле Мраморной Арки, – поспешно пояснил Пиклз. – И пришел, как только мне сообщили.

– И инспектор Уоткинс тоже пришел, сэр, – добавил констебль Хопкинс.

Стражи порядка из разных отделений прибыли на место примерно в одно и то же время. Ничего удивительного, что началась неразбериха.

Я снова обратил внимание на пролом в кустах, очевидно проделанный убийцей, который волочил по земле труп убитой, желая его спрятать.

Мне в голову вдруг пришла одна мысль, и я повернулся к остальным:

– Вы обыскивали прилегающую территорию? Возможно, ветки были сломаны и на других кустах и деревьях, а на траве оставались следы... Ни сумочки, ни кошелька не нашли, но преступник мог что-нибудь обронить или выбросить, если караулил здесь жертву. Может быть, он курил... Мне пригодилась бы любая мелочь, даже обгорелая спичка! А если жертва перед смертью сопротивлялась? Тогда, возможно, убийца напал на нее в другом месте, а потом притащил сюда.

Пиклз нахмурился:

– Разумеется, мы все обыскали. Обыск провели Хопкинс и еще один констебль под моим личным руководством. Можете быть уверены, мы смотрели внимательно!

– Верно, сэр, – подтвердил Хопкинс. – Мы с констеблем Джаспером Биллингсом осмотрели все вокруг, как велел инспектор Пиклз. Мы боялись, что ущерба для насаждений окажется больше, но, к счастью, кусты поломаны только там... – Хопкинс указал на протоптанную в кустах дорожку. – Ни стыда у него, ни совести! Вон что он после себя оставил!

Я сразу понял, что состояние зеленых насаждений заботит Хопкинса больше всего остального. Его долг заключался в том, чтобы не пускать в парк недостойных посетителей, которые способны причинить ущерб траве и деревьям. Приличная публика должна любоваться парком и отдыхать спокойно. Ну а преступления... как правило, парковой полиции приходится иметь дело с карманными воришками, которые видят в гуляющей публике легкую добычу. Но убийство? Нет, что вы! Такого никто не ожидал. Тем более в королевском парке. Скоро подни-

мется шум; от них потребуют объяснения, как убийца мог орудовать в парке. К тому же он так спрятал тело жертвы, что его обнаружили лишь на следующий день. Возможно, власти согласятся с тем, что найти труп помешал туман, но могут и обвинить во всем парковую полицию.

Впрочем, инспектор Пиклз все сделал как надо и оказал следствию большую услугу. Я был рад, что тело никуда не перетасили или не перенесли отсюда. Аллегра Бенедикт умерла здесь или неподалеку.

Я произнес небольшую речь, в которой еще раз поблагодарил Пиклза, Хопкинса и Вуттона, и объяснил, что мы более не намерены отнимать у них драгоценное время. С Пиклзом я попрощался за руку.

Не смягчившись, Пиклз фыркнул и немедленно ушел с обиженным видом.

– Злодей, который это сделал, должен заплатить за свое преступление! – буркнул Хопкинс, не двигаясь с места и снова окидывая взглядом сломанные кусты.

– Обязательно заплатит, – заверил его я.

– Знаете ли, новые кусты дорого нам обойдутся! – заметил Хопкинс.

– Что будем делать, сэр? – спросил Моррис.

– Вернемся в Скотленд-Ярд и объясним, что мы уезжаем в Эгам. Нам нужно там кое-кого допросить. Из Лондона в Эгам, наверное, идет не один поезд.

– Надеюсь, сэр, нам возместят расходы, – угрюмо заметил Моррис. – Вам, наверное, известно, что на сержантское жалованье много не наездишь.

– Именно поэтому я хочу заранее получить согласие суперинтендента Данна. А еще я попрошу его дать телеграмму в Суррей; пусть местная полиция будет в курсе наших действий. В Эгаме я намерен побеседовать с мисс Изабеллой Марчвуд и мистером Себастьяном Бенедиктом. А вы, Моррис, зайдите на кухню и выпейте чаю с кухаркой. Не торопите ее, пусть посплетничает всласть. У хозяйки дома всегда особые отношения с кухаркой. Выясните мнение кухарки, насколько хорош был брак хозяев. Уверен, для вас это не составит труда.

Глава 4. Инспектор Бенджамин Росс

Мы с Моррисом без труда узнали дорогу в «Кедры», как называлась усадьба Бенедикта. Начальник станции в Эгаме прекрасно знал и саму усадьбу, и ее владельца. Он объяснил, как туда добраться, присовокупив, что усадьба находится не в самом городке.

– Дом стоит на вершине холма за деревней Энглфилд-Грин. Предупреждаю, джентльмены, подъем довольно крутой, на то, чтобы подняться, у вас уйдет почти час. Лучше вам найти какой-нибудь экипаж.

– Где же его взять? – проворчал Моррис.

– Билли Купер наверняка ждет пассажиров со своей двуколкой, – ответил начальник станции. – Так что советую вам поспешить. На его услуги всегда большой спрос.

Нам повезло. Рядом со станцией мы нашли пони и двуколку, ожидавших пассажиров. Мы окликнули возчика, опередив дородного джентльмена с большим чемоданом. Дородный джентльмен не скрывал досады, хотя я объяснил, что мы едем по официальному делу, а мистер Купер обещал вернуться через двадцать минут.

Если начальник станции не преувеличивал и к «Кедрам» в самом деле ведет крутой подъем, я рассудил, что мистер Купер излишне оптимистичен. Слова возчика не успокоили дородного джентльмена. Он кричал нам вслед, когда мы выехали со станционного двора:

– Безобразие! Учтите, сэр, я напишу запрос в парламент! Полицейские должны служить народу. Они не имеют права пользоваться своим служебным положением и реквизировать все имеющиеся в распоряжении транспортные средства!

Я не сомневался, что он действительно напишет запрос в парламент, и радовался, что следствие по делу об убийстве одержало верх над большим чемоданом.

Мы бодро протрусили по маленькому чистенькому городку и вскоре оказались за городом. Судя по указателю, мы ехали в сторону деревни Энглфилд-Грин. Вокруг все цвело и зеленело; Моррис заметил, что жить в таком месте, должно быть, очень приятно. Начальник станции оказался прав, подъем на холм действительно был крутым. Нам повезло, что «Кедры» находились примерно на середине. Вряд ли пони смог бы поднять нас на вершину – пришлось бы сойти с двуколки и идти пешком.

Возчик высадил нас у ворот, и мы с Моррисом проводили его взглядом. Купер, очевидно, спешил за дородным джентльменом – если, конечно, тот еще ждал. Потом мы огляделись по сторонам.

Бенедикты жили в большом доме; по моим предположениям, его построили в начале девятнадцатого века. Оштукатуренный фасад придавал ему слегка итальянский вид. Дом окружали подстриженные лужайки; по обеим сторонам здания росли два красивых кедра, очевидно давшие название усадьбе.

– Очень красиво, – заметил Моррис, еще больше утвердившись в мысли, что мы очутились в самом приятном уголке страны.

Хрустя сапогами по гравии, мы прошли по дорожке. Подойдя ближе, мы отметили, что дом погружен в глубокий траур. Все шторы были задернуты; дверной молоток перевязан большой черной шелковой лентой. Визиты к родственникам покойных всегда давались мне особенно тяжело. Потерять близкого человека и без того горько, но знать, что он погиб от рук неизвестного преступника, – поистине ужасно. Наверное, нет ничего хуже этого... Бенедикт сейчас потрясен, охвачен горем, и вот являюсь я, чтобы расспрашивать его о жене и их совместной жизни. Однако мне пришлось отбросить угрызения совести в сторону. Как я уже объяснил дородному джентльмену, нас привел сюда долг.

– Ну, Моррис, вперед, на кухню!

– Слушаю, сэр! – ответил Моррис, направляясь к черному ходу.

Я взял молоток, обернутый траурной лентой, и отрывисто постучал.

Через несколько секунд с той стороны двери загрохотала цепочка. Мне открыла горничная с красными, заплаканными глазами.

– Хозяин не принимает, сэр, – сказала она, не дав мне произнести ни слова.

Я сочувственно кивнул, но сказал:

– Мне очень жаль, но я должен с ним поговорить. Видите ли, я – инспектор Росс из Скотленд-Ярда, и мой печальный долг состоит в том, чтобы узнать правду о том, что произошло с вашей хозяйкой.

Я едва ли мог сказать: «...кто убил ее», но именно это я имел в виду. Видимо, горничная все поняла, потому что снова разрыдалась и, вытирая глаза подолом накрахмаленного передника, воскликнула:

– Подумать только, сэр, какой ужас! Уверена, никто из нас никогда этого не забудет! Миссис Бенедикт была славной леди. Все слуги ее любили, и я, и кухарка, и Милли...

– Милли? – спросил я.

– Уборщица, сэр.

– Это все слуги? Кухарка, горничная и уборщица?

– Нет, сэр, что вы! Есть еще камердинер мистера Бенедикта и личная горничная хозяйки, Гендерсон. Ну, и еще у нас есть мальчишка-помощник и судомойка.

– А кто работает вне дома? – Я уже заметил, что парк вокруг дома очень ухоженный.

– Садовник, его помощник и конюх... Спросите кого угодно, сэр, и все в один голос скажут вам: в то, что случилось, просто невозможно поверить!

– Кто там, Паркер? – спросил скрипучий женский голос из вестибюля. – И чем вы там заняты – сплетнями?

Паркер густо покраснела.

– Прошу прощения, мисс Марчвуд, но к нам приехал полицейский инспектор из самого Лондона, из Скотленд-Ярда, и хочет поговорить с хозяином.

– Мистер Бенедикт никого не принимает, – отрезала женщина, которую не было видно в тускло освещенном вестибюле.

– Так я и сказала, но...

Я понял, что мне пора взять бразды правления в свои руки.

– Мне очень жаль, мисс Марчвуд, что я вторгаюсь к вам в такое трудное для всех время, но, к сожалению, вынужден настаивать. Речь идет о расследовании убийства.

Паркер снова разрыдалась и убежала. Я остался лицом к лицу с мисс Марчвуд и оглядел ее не без интереса. Так вот, значит, как выглядит компаньонка, которая поехала в Лондон с Аллегрой Бенедикт, а вернулась одна!

На вид лет сорок; некрасива до такой степени, что ее можно было назвать уродливой. Судя по всему, мисс Марчвуд тоже носила траур по хозяйке – черное шелковое платье, на голове черная кружевная вуаль наподобие испанской мантильи. Я не заметил на ней никаких украшений, кроме нитки траурных бус. Во всей ее внешности имелось лишь одно цветное пятно: пенсне в золотой оправе на переносице довольно крупного носа. Из-за стекол пенсне на меня смотрели тусклые карие глаза.

Некоторое время мы с компаньонкой разглядывали друг друга. Наконец, мисс Марчвуд заговорила тем же сдавленным голосом:

– В таком случае входите. Мистер Бенедикт в кабинете. Я передам ему, что вы приехали. Вынуждена подчеркнуть: он в очень угнетенном состоянии. Мы были бы вам весьма признательны, если бы вы сократили ваш визит. Или, может, вам лучше приехать в другой день?

Если мисс Марчвуд считала, что Скотленд-Ярд позволит инспектору каждый день кататься на поезде туда-сюда, она ошибалась.

– Я все понимаю и буду тактичен, – ответил я, понимая, что обстоятельства требуют от меня особой осмотрительности, – но следствие необходимо провести как можно скорее. Кстати, мисс Марчвуд, мне нужно побеседовать и с вами. Насколько мне известно, вы служили компаньонкой у миссис Бенедикт и вместе с ней ездили в Лондон в прошлую субботу?

Глаза за стеклами пенсне заблестели. Но мисс Марчвуд была явно не из тех, кто способен расплакаться при посторонних. Подобное неприглядное поведение свойственно таким, как горничная Паркер. Мисс Марчвуд, как все компаньонки, привыкла сдерживать свои чувства. Моя жена Лиззи до замужества тоже была компаньонкой у своей тети Парри, но уверен, она ни за что не превратилась бы в такую, как мисс Марчвуд. Лиззи с огромным трудом скрывает свои чувства и суждения.

Ну а Изабелла Марчвуд... После смерти Аллегры Бенедикт она осталась без работы. Теперь ей придется искать новое место; я невольно задумался, пожелает ли Бенедикт оставить ее в «Кедрах» до тех пор, пока она не найдет себе новую хозяйку. Наверное, ему неприятно смотреть на нее. Возможно, он думает: если бы она в тот день не потеряла хозяйку в тумане... Не винит ли он мисс Марчвуд в том, что случилось?

– Да, – сухо ответила компаньонка в ответ на мой вопрос. – С кем вы хотите побеседовать вначале – со мной или с мистером Бенедиктом?

– Наверное, мне следует вначале повидать владельца дома... и мужа усопшей.

– Подождите, пожалуйста.

Шурша шелковыми юбками, она развернулась и стала подниматься по лестнице. Значит, кабинет мистера Бенедикта находился на втором этаже, вдали от незваных гостей и хлопот прислуги.

Воспользовавшись случаем, я огляделся. Повсюду я находил новые признаки траура. Все картины на стенах были завешены, как и большое зеркало. Я взял на себя смелость и, открыв дверь, заглянул в малую гостиную. И там окна оказались занавешены, картины и зеркала закрыты... даже ножки рояля закутали в черный шелк. Естественно, в комнате царил полумрак.

Неожиданно я увидел фотоснимок в тяжелой серебряной рамке, который не был закрыт, и подошел поближе, чтобы взглянуть на него. Портрет покойницы стоял на рояле. На снимке Аллегра Бенедикт в белом платье казалась совсем юной. Она позировала на фоне классической колонны и какой-то драпировки; меня снова поразила ее необычайная красота. Перед фотографией стояла роза в рубиново-красной стеклянной вазе. В углу снимка я увидел надпись золочеными буквами: «Студио Подеста, Венеция».

– Инспектор!

В дверях стояла мисс Марчвуд и смотрела на меня с нескрываемым неодобрением. Что ж, полицейские, как известно, суют нос в чужие дела. В этом мы мастера. И пусть хозяину это не понравится, придется потерпеть.

– Мистер Бенедикт вас примет. Я провожу вас к нему.

Когда я вошел, Бенедикт встал с кожаного кресла мне навстречу. Кабинет, как и остальные помещения в доме, был погружен в траур, но здесь в щель между шторами проникала тонкая полоска света. Как и везде, зеркала и окна были занавешены черным. Впрочем, большой портрет Аллегры маслом, висевший над каминной полкой, не был закрыт. На портрете, как и на фотографии внизу, она выглядела очень молодой. Художник изобразил ее в саду, на фоне голубого неба, яркого солнца и вьющегося винограда. Она снова была в белом платье; у нее на коленях лежали цветы, которые, видимо, были только что срезаны.

– Моя жена была настоящей красавицей, – тихо сказал Бенедикт.

От смущения я невольно выпалил:

– Простите, пожалуйста. Я не хотел показаться невежливым или грубым... Миссис Бенедикт, как вы и говорите, была очень красивой женщиной... все остальные картины в доме завешены.

– Я не мог повесить этот портрет, – тем же тихим голосом произнес Бенедикт. – Мне казалось... повесить его – все равно что похоронить ее. Скоро мне это предстоит. Инспектор, садитесь, пожалуйста.

Он жестом указал мне на кресло, а сам опустился на прежнее место. Он сидел спиной к окну, поэтому я не мог как следует видеть его лица. Весь свет, хотя его и было мало, падал на меня, поэтому Бенедикт находился в более выгодном положении. Я невольно подумал: не нарочно ли он так это устроил. Вдовец был невысоким и довольно щедушным; сразу было видно, что он намного старше покойной жены. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я заметил, что волосы у него редют. И снова невольно вспомнил его красавицу жену, которую не смогла обезобразить даже ужасная смерть.

Я выразил ему свои соболезнования. Бенедикт выслушал меня довольно равнодушно. Мое сочувствие его не трогало. Ему было достаточно собственного горя.

– Миссис Бенедикт итальянка? – спросил я.

– Да, – кивнул он. – Как видите, в нашем доме много картин. Все потому, инспектор, что я занимаюсь произведениями искусства, как вы, наверное, уже знаете. У меня галерея на южной стороне Пикадилли, рядом с... – Он замолчал и после паузы продолжал: – Рядом с боковым входом в Грин-парк.

– Вы были у себя в галерее в прошлую субботу?

Бенедикт покачал головой:

– Нет, по выходным я никогда не езжу в Лондон. Видите ли, почти все мои клиенты в пятницу вечером разъезжаются за город.

– В свои загородные дома и усадьбы?

– Да, – просто ответил Бенедикт.

– Но галерея по субботам открыта?

– Да. У меня замечательный управляющий, Джордж Ангелис. По субботам он работает до шести часов. Затем галерея закрывается до вторника.

Значит, по понедельникам галерея закрыта. Разумеется, в понедельник его клиенты только возвращаются в Лондон. Я достал из кармана сюртука записную книжку и сделал пометку: по субботам галерея закрывается в шесть.

– Позвольте вас спросить, сэр, как вы познакомились со своей покойной женой?

Мой вопрос оказался для Бенедикта неожиданным; впрочем, он не стал уклоняться от ответа:

– Мы познакомились в Италии. Я каждый год езжу на континент, подыскиваю интересные... экземпляры для своей галереи. Впервые я попал в Италию очень молодым, почти мальчиком. Знаете, совершал обычное путешествие по Европе...

Я знал, что таков был обычай у богатых. Молодых людей посылали в Европу завершать образование, часто с наставником, который присматривал за ними. Однако молодые люди вроде меня в том же возрасте вынуждены зарабатывать себе на жизнь, к чему привыкают с самого детства.

– Отец моей жены, к сожалению уже покойный, также занимался произведениями искусства, – продолжал тем временем Бенедикт. – Я регулярно заходил к нему, когда приезжал в Италию, и стал другом семьи. Когда я впервые увидел свою жену, она была четырнадцатилетней девочкой, изящной, красивой, полной жизни, умной... ее невозможно было не обожать.

Он покосился на ее портрет и замолчал.

– Значит, здесь она изображена в четырнадцатилетнем возрасте? – отважился спросить я. Бенедикт повернулся ко мне с таким видом, словно забыл, кто я такой.

– А! – воскликнул он наконец. – Нет, для портрета она позировала чуть позже... Кажется, тогда ей исполнилось пятнадцать.

– Простите меня, сэр, но я вынужден задавать вам и личные вопросы. Сколько ей было лет, когда вы поженились?

– Восемнадцать. – Бенедикт язвительно улыбнулся. – Я понимаю, куда вы клоните, инспектор. Да, я... был несколько старше жены. Точнее, я старше ее на пятнадцать лет.

Значит, когда художник рисовал пятнадцатилетнюю Аллегру, ее будущий муж уже был тридцатилетним мужчиной. Может быть, он и заказал ее портрет?

– Позвольте спросить, когда вы приобрели эту картину?

Бенедикт снова поднял брови и на сей раз ответил с ноткой досады:

– Портрет написали для меня. Тогда я уже обо всем договорился с ее отцом. Он согласился выдать дочь за меня, когда она достигнет восемнадцатилетнего возраста. До тех пор я вынужден был вместо оригинала утешаться этим портретом.

Я задумался. Была ли пятнадцатилетняя Аллегра так же рада будущему замужеству, как и ее более зрелый супруг? Некоторые произнесенные Бенедиктом слова меня беспокоили. Например, он сказал, что Аллегру невозможно было не «обожать», а не «любить». Можно возразить, что они означают одно и то же, но, опять-таки, в общем смысле все может быть и наоборот. «Утешаться» портретом вместо живой девушки... Это слово также резануло меня.

– Инспектор, позвольте мне тоже кое о чем спросить вас, – нарушил мои раздумья Бенедикт.

Я с удивлением понял, что две или три минуты молчал.

– Конечно, сэр.

– Какое отношение имеют ваши вопросы к поискам убийцы моей жены?

– Возможно, и никакого, сэр, но нам необходимо знать прошлое жертвы.

– Теперь вы его знаете, – просто сказал он.

– У вас нет детей? – задал я последний личный вопрос.

– Нет, – холодно ответил Бенедикт. Мне показалось, что я задел его за живое. – Инспектор, мне сейчас очень тяжело; может быть, вы приедете в другой раз? Или я с радостью приеду в Скотленд-Ярд, и мы обсудим дальнейшее... В самом деле... врач прописал мне порошки для успокоения нервов. Сейчас мне нужно выпить лекарство.

Его слова плавно подвели меня к последнему вопросу.

– Я все понимаю, сэр. Мне говорили, что вы потеряли сознание в морге после того, как опознали тело.

Он кивнул. Я заметил, как его лицо исказила гримаса боли.

– По словам служителя Скалли, который сопровождал вас, когда вы пришли в себя, вы говорили о каких-то «воротах». Насколько я понял, вы еще сказали: «Они хотели спрятаться за воротами, но ничего не вышло». Возможно, я неправильно все понял или Скалли неточно передал мне ваши слова.

– Нет, он все передал верно, – отрывисто ответил Бенедикт. – Хотите знать, что я имел в виду? Извольте, я покажу!

Он встал и подошел к столу, на котором грудой лежали кожаные папки. Выбрав одну из них, он протянул ее мне. Я понял, что передо мной альбом с эскизами. Бенедикт открыл его и вскоре нашел, что искал. Он повернул альбом ко мне и показал картину.

Передо мной была акварель, подписанная «С.Б.», наверное, копия, сделанная им во время первой поездки в Италию или позже. Сцена была средневековой по стилю и довольно устрашающей. Призрачная фигура на призрачном коне гналась за группой молодых людей, также верховых. Фигура, которая явно олицетворяла саму Смерть, галопом пронеслась мимо пары дряхлых стариков, очевидно не обратив на них внимания. Старуха изумленно погрозила ему пальцем, не в силах поверить, что Смерть выбрала не их с престарелым супругом. Но

Смерть предпочла иные жертвы. Она преследовала молодых. Все они были нарядными и златокудырыми. Их оставшие спутники, уже павшие жертвами Смерти, безжизненно висели в седлах; перепуганные лошади неслись неведомо куда. Молодые люди впереди группы озирались в ужасе и отчаянии. Судя по всему, они стремились проскочить в открытые ворота какого-то города, обнесенного высокой стеной. Возможно, они надеялись спастись там от преследующей их апокалиптической фигуры. Но в глубине души они догадывались, что обречены. Это было написано на их лицах. Даже их лошади все знали; они выкатили глаза и раздували ноздри. Они достигли ворот, но это не спасло никого. Молодость, красота, богатство... ничто не способно обмануть преследователя.

– Я скопировал ее, – пояснил Бенедикт, – с фрески в часовне одной доминиканской церкви в Боцене, как город называют австрийцы, в Южном Тироле. Итальянцы называют город Больцано. Фреска носит название «Триумф Смерти». Как видите, Смерть получает удовольствие, хватая молодых и красивых. Ей положено забирать стариков, но она... – Бенедикт захлопнул альбом. – Инспектор, Смерть забрала и мою жену. Я на пятнадцать лет старше ее, но смерть первой забрала мою жену. Никто не может ее остановить. Ни одни ворота не спасут от нее.

– Ваша жена умерла не обычной смертью... – неуклюже возразил я.

– Смерть есть смерть, – ответил Бенедикт. – Ни один из нас не способен убежать от нее, и отгораживаться от нее бесполезно. Но уничтожать так бездумно и так бессмысленно такую красоту... непростительно!

Я снова выразил вдовцу свои соболезнования и извинился за вторжение. По-моему, он меня не слышал.

Мисс Марчвуд ждала меня внизу. Когда я спустился со второго этажа, она молча направилась в ту самую малую гостиную с роялем. Я закрыл за нами дверь и, подойдя к ближайшему окну, раздернул шторы. Я люблю видеть лицо собеседника. Бенедикт меня переиграл, но во второй раз такой номер не пройдет! По лицу компаньонки я понял, что она не одобряет моего поступка, но, возможно, она меня поняла. По-прежнему молча мы сели напротив. Мне казалось, что фарфоровые часы на каминной полке тикают слишком громко.

Я понял, что мисс Марчвуд ждет, когда я начну. Чтобы разбить лед, я заметил:

– Красивые часы.

– Мейсенские, – ответила она. – Мистер Бенедикт приобрел их во время своих поездок в Европу.

Приобрел... как и саму миссис Бенедикт. Она стала очередным его шедевром.

Я спросил у мисс Марчвуд, давно ли она служит компаньонкой у миссис Бенедикт.

– С тех пор, как мистер Бенедикт привез жену из Италии в Англию, почти девять лет. – Глаза за стеклами пенсне быстро замигали. Она не собиралась лить слезы в моем присутствии.

– Наверное, за девять лет вы с миссис Бенедикт успели очень сблизиться. Представляю, сколько вы пережили, – сочувственно заметил я.

Она наклонила голову, но ничего не ответила. У меня сложилось впечатление, что любые сведения мне придется тащить из Изабеллы Марчвуд клещами. Она хранит верность мертвой хозяйке? Или неверно понимает, что такое благопристойность? Ей кажется, что само мое присутствие пятнает дом. Мне следовало заниматься своими тягостными расспросами вдали от этой богатой гостиной с полированным роялем, фотографией в серебряной рамке и часами мейсенского фарфора?

– Мисс Марчвуд, были ли вы счастливы здесь до этого трагического события? – спросил я.

– Я была здесь очень счастлива! – отрезала она, кладя руки на колени и плотно сжимая губы.

– Очень хорошо. Пожалуйста, расскажите, что произошло в прошлую субботу.

Я думал, что мисс Марчвуд откажется, но она заговорила довольно быстро. Мне даже показалось, что она заранее отрепетировала свой рассказ, предчувствуя мой приход. И все же я не мог не заметить: когда она говорила, ее сложенные пальцы то сжимались, то разжимались.

– Миссис Бенедикт пожелала отвезти украшение, брошь, в одну ювелирную лавку в Берлингтонском пассаже. Она хорошо знала владельца – его фамилия Тедески. По происхождению он итальянец, наверное, поэтому миссис Бенедикт нравилось посещать его лавку. Она... и мистер Бенедикт... раньше часто покупали у мистера Тедески разные товары.

– Почему она повезла туда брошь? С ней что-то было не так?

– Нет, просто брошь ей не нравилась, поэтому миссис Бенедикт ее не носила. Она хотела узнать, нельзя ли сделать из нее кольцо. Ювелир сказал, что можно. Мы... она... оставила брошь ему.

– Уезжая из дому, вы не ожидали, что погода в Лондоне быстро испортится?

Мисс Марчвуд сняла пенсне и надавила на переносицу, где от пенсне остался слабый красный след.

– Нет, хотя и у нас небо было затянуто облаками. Конечно, иногда лондонские туманы доходят и до наших краев. Но ничто не указывало на это, когда мы отправились в путь.

Она снова надела пенсне и несколько суше продолжала:

– Пообедав, мы сели на поезд, который отходил в половине третьего. Подъезжая к Лондону, мы заметили, что над городом стоит желтый туман. Он уже добрался до самых окраин... К тому времени, как мы подъехали к Ватерлоо, стало очень неприятно. Выйдя из поезда, мы увидели, как туман клубится вокруг нас. И запах стоял ужасный. Я предложила миссис Бенедикт вернуться. Нам надо было лишь перейти на другую платформу и сесть на первый же поезд, который шел домой. Но она возразила, что мы не задержимся надолго, если найдем экипаж. Так мы и поступили.

– Вам быстро удалось найти экипаж?

– На вокзале? Нет. Выйдя оттуда, мы наняли большой тарантас; других на улице не было.

Я кивнул в знак понимания. Тарантас – закрытый экипаж, он больше подходит дамам. Для двух дам поездка по Лондону в открытом экипаже считается неприличной.

– И все же мы долго добирались до Пикадилли, потому что возчику приходилось передвигаться очень медленно. Он часто останавливался, чтобы пропустить другие экипажи. Мы несколько раз чудом избежали столкновения. Пешеходов не было видно на расстоянии вытянутой руки, некоторые буквально бросались под колеса! Мы с миссис Бенедикт очень испугались. И все же мы наконец добрались до Пикадилли, обе были очень рады, могу вам признаться, когда очутились у входа в Берлингтонский пассаж.

– Не сомневаюсь. Я и сам в тот день шел пешком в тумане, – ответил я. – Я знаю, как трудно передвигаться в такую погоду. Вряд ли в пассаже было много посетителей.

– Да, там почти никого не было. Покупатели спешили по домам. Я тоже забеспокоилась. У ювелира мы задержались, обсуждая эскиз кольца. Кроме того, он показал нам некоторые свои товары. Выйдя снова на улицу, мы пришли в ужас... нам стало очень страшно. – Мисс Марчвуд наклонилась вперед, словно подчеркивая последние слова. – Туман так сгустился! Мы обе встревожились и попросили сторожа найти нам экипаж.

Я знал, что пассаж нанимает особых сторожей-охранников, которые носят форму.

– Но сторожу так и не удалось нам помочь... К тому времени почти всякое движение прекратилось, и невозможно было разглядеть, движется ли что-нибудь по улице! Мы стали думать, что делать.

– Который тогда был час? – перебил ее я.

– Начало пятого... Нет, почти пять! Точнее я не могу вам сказать. Мы решили перейти дорогу и попытаться найти галерею самостоятельно. В галерее мы надеялись переждать самое опасное время. Возможно, думали мы, туман рассеется.

– Ах да, конечно, главный выход из пассажа на Пикадилли, а у мистера Бенедикта там лавка...

Мисс Марчвуд порозовела от возмущения:

– Галерея, инспектор! Галерея, а не лавка! Мистер Бенедикт не лавочник!

– Извините, прошу вас, продолжайте, – попросил я.

– Мы боялись, что на нас кто-нибудь наедет, пока мы будем переходить дорогу, – ведь возчики не могли нас видеть. Мы переговаривались и обсуждали, что делать. Вдруг откуда ни возьмись появился мальчик... Как будто материализовался из тумана. Он меня напугал.

– Мальчик? – удивленно спросил я. – Что за мальчик?

– Уличный мальчишка, подметальщик. Он держал в руке метлу, поэтому я поняла, кто он. Он услышал наши голоса и о чем мы говорили. Предложил перевести нас через дорогу, заверил, что сразу услышит, если кто-нибудь подъедет к нам близко. Мы согласились. И он в самом деле благополучно перевел нас на ту сторону. Потом... – Впервые голос Изабеллы Марчвуд дрогнул. – Когда мы очутились на тротуаре на южной стороне Пикадилли, я велела мальчику подождать, потому что собиралась вознаградить его за труды. Я порылась в кошельке, нашла шестипенсовик, заплатила мальчику, и он исчез, как будто растаял в тумане. Я обернулась, чтобы что-то сказать миссис Бенедикт, но ее уже не было рядом!

Мисс Марчвуд замолчала. Видя, что она не собирается продолжать, я спросил:

– Вы звали ее?

– Много раз! – Она снова наклонилась вперед. – Я подумала, что она вошла в галерею, не дождавшись меня.

– Насколько я понимаю, по субботам галерея закрывается в шесть.

– Да, но я не думала, что уже так поздно. И я пошла вперед, держась за стену. Скоро я очутилась у галереи. Даже тогда нелегко было понять, в нужном я месте или нет. Меня встретил помощник управляющего. Хотя он служит в галерее относительно недавно, он узнал меня и удивился моему появлению в такую погоду – тем более я была одна. Он сказал, что не видел миссис Бенедикт. Мы ничего не могли понять. Не могла же она пропустить нужную дверь и пройти дальше? И даже если она прошла мимо, она бы скоро поняла свою ошибку и вернулась. Помощник управляющего (кажется, его фамилия Грей) позвал управляющего, мистера Ангелиса. Тот прибежал из подсобного помещения с пером в руке. Я спросила его, не приходила ли миссис Бенедикт. Мистер Ангелис подтвердил слова своего помощника. Сказал, что миссис Бенедикт не приходила. Он ее не видел.

Говоря, мисс Марчвуд по-прежнему то сжимала, то разжимала пальцы.

– Мы еще больше встревожились. Никто из нас не знал, что делать. Мистер Ангелис посоветовал мне подождать в галерее. Было почти шесть часов; едва ли в такую плохую погоду могли прийти клиенты. Они с помощником отправились на поиски, а меня заперли внутри. Они отсутствовали около получаса и вернулись ни с чем. Зато мистер Ангелис отыскал возчика, который охотно согласился довезти меня до вокзала. Мистер Ангелис посоветовал мне вернуться в Эгам. Он сказал, что они с помощником еще поищут миссис Бенедикт.

Мисс Марчвуд замолчала. В тишине громко тикали мейсенские часы.

– Мне не хотелось возвращаться домой без нее. – тихо продолжала она. – Но я понимала, что не найду ее. По словам мистера Ангелиса, не могло быть и речи о том, чтобы я блуждала одна в тумане. Он сказал, что я тоже потеряюсь и им с Греем придется искать нас обеих. Поэтому я вернулась сюда...

Когда я приехала домой и рассказала мистеру Бенедикту, что случилось, он, как вы можете себе представить, очень встревожился. Мы ждали известий о ней, все время надеясь,

что она вот-вот приедет домой. Мы не находили себе места, не могли ни есть, ни пить. Кажется, только попробовали суп... и выпили кофе. Ужин, приготовленный кухаркой, пришлось выбросить. Конечно, она не сердилась. Слуги тоже очень расстроились и забеспокоились. Все любили миссис Бенедикт.

Потом... очень поздно, было уже девять вечера... сюда, в «Кедры», приехал сам мистер Ангелис. Он был очень расстроен. Ему не удалось найти ее. Мы с мистером Бенедиктом сидели здесь, в малой гостиной, ждали... и надеялись. Когда мы услышали стук колес, естественно, решили, что наконец вернулась миссис Бенедикт. Мистер Бенедикт вскочил и выбежал в холл. Я последовала за ним, молясь, чтобы Аллегра вернулась. Но вместо нее мы увидели мистера Ангелиса. Мы сразу поняли по выражению его лица, что Аллегру он не нашел.

Она замолчала и посмотрела вниз. Я ждал, когда она возьмет себя в руки, и живо представлял себе описанную ею сцену. Я знал, что чувствовал бы сам, если бы так же пропала Лиззи.

– Мистер Бенедикт выказал большое самообладание, – продолжала мисс Марчвуд. – Он налил Ангелису бренди, чтобы тот немного успокоился.

– Ангелис заявил в полицию? – спросил я.

– Да, в полицейский участок на Литтл-Вайн-стрит. Он не знал, что еще можно предпринять. Мистер Бенедикт поблагодарил его за старания и за то, что тот обратился в полицию. Он сказал, что Ангелис все сделал как надо. По-моему, мистер Ангелис немного беспокоился... – Она осеклась и бросила на меня смущенный взгляд.

– Не все любят, когда полиция вмешивается в их семейную жизнь, – кивнул я. – Я понимаю.

Мисс Марчвуд вздохнула с облегчением:

– Да, вот именно. Как вам известно, начинаются пересуды. Но, учитывая обстоятельства, мистер Ангелис взял на себя обязанность сообщить обо всем им... то есть вам. Потом, когда он все нам рассказал, он поспешил назад, в Эгам, чтобы успеть на последний поезд до Лондона. Возчик, который привез его в «Кедры», ждал его у ворот. Наверное, мистер Ангелис понес большие расходы. Но, кажется, мистер Бенедикт вышел и спросил, какова общая сумма; видимо, он все оплатил. То была самая ужасная ночь в моей жизни! Я не могла заснуть и знаю, что мистер Бенедикт всю ночь просидел у себя в кабинете. Он сидел и ждал. Утром в воскресенье он поехал в Лондон и сразу же пошел в участок на Литтл-Вайн-стрит... Остальное вам известно.

Она все больше теряла самообладание; ее била дрожь.

– Понимаю, как вам сейчас тяжело. – Я постарался говорить как можно более сочувственно. – Но, хотя мы уверены, что убийца не собирался ее грабить...

Мисс Марчвуд вздрогнула и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Все украшения миссис Бенедикт остались при ней, – объяснил я. – Однако мы не нашли ни кошелька, ни сумочки. В тот день у нее было с собой что-то в этом роде?

– Сумочка? – Мисс Марчвуд потрясла головой, как будто что-то попало ей в ухо. – Не было сумочки? Но ведь... – Мой вопрос привел ее в полное замешательство. Наконец она не без усилий продолжила: – Да, при ней была маленькая замшевая розовая сумочка на шнурке. Она носила ее на запястье... Там лежало немного денег, носовой платок, флакон нюхательных солей и брошка; то есть брошку она взяла с собой в Лондон, но оставила ее у Тедески, ювелира, как я вам уже сказала. Не знаю, почему вы не нашли сумочку, инспектор. Вы должны были ее найти... – Она снова задрожала. – Аллегра носила ее на запястье... Боже мой, какой ужас!

Последняя подробность сломала ее окончательно. Я решил на время прекратить беседу и попросил ее позвать Гендерсон, личную горничную хозяйки, чтобы я мог кое о чем ее спросить.

Гендерсон оказалась унылой особой среднего возраста с красными, заплаканными глазами.

– Ужас, просто ужас, сэр! Клянусь, с тех пор, как это случилось, мы все не сомкнули глаз. Ну кто бы мог подумать? Бедная миссис Бенедикт! Она была такой доброй!

– В то утро, когда вы помогли ей одеваться, она была в обычном настроении?

– О да, инспектор! Более того, у нее было очень хорошее настроение. По-моему, ей не терпелось поехать в Лондон. Я скрепила ей прическу дополнительными шпильками, чтобы волосы не растрепались, когда она будет вдали от дома.

– Как вы думаете, миссис Бенедикт была счастливой женщиной?

Гендерсон ошеломленно посмотрела на меня:

– С чего же ей не быть счастливой, сэр? У нее были красивые платья. Заботиться о них было истинным удовольствием.

– Мистера Бенедикта можно назвать щедрым мужем?

– О да, сэр. Она получала все, что хотела. Стоило ей только пожелать... и он ей все покупал.

– А свои деньги у нее были?

Мой вопрос как будто обеспокоил Гендерсона.

– Н-ну... да, сэр. У нее, точнее сказать, были деньги на булавки. А больше я ничего не знаю. – Ее некрасивое лицо сморщилось, по пухлым щекам потекли слезы. – Ах, что же мне теперь делать?

Она, как и мисс Марчвуд, лишилась хорошего места и понимала, как трудно будет в ее возрасте найти другое.

Мы с Моррисом вернулись на станцию пешком. Спустившись с холма, мы прошли по городку. Прогулка оказалась приятной, и мы успели обменяться полученными сведениями.

– Все слуги уверяют, что им очень хорошо живется в «Кедрах», – сказал Моррис. – Они очень огорчены. Кажется, все они очень любили миссис Бенедикт.

– Я слышал то же самое. Невольно напрашивается вопрос... Как насчет самого Бенедикта, их хозяина? Ему они сочувствуют? У вас сложилось впечатление, что его любят так же, как любили жену?

– Ему очень сочувствуют, сэр. Может быть, не так... – Моррис замялся и стал безуспешно подыскивать нужное слово. – У меня сложилось впечатление, что его все очень уважают, но, так сказать, побаиваются. Может быть, его не любят так, как любили ее.

Мы увидели доказательства большой любви прислуги к хозяйке, но не к хозяину.

– По мнению слуг, семейная жизнь Бенедиктов была удачной?

Моррис ответил не сразу:

– Кухарка сказала, что у них была «хорошая» семья. Так она и выразилась. Сказала, что мистер Бенедикт был очень высокого мнения о своей супруге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.